
БОЛЬШОМУ ТЕАТРУ—
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 21 МАЙ 1976
200 ЛЕТ



НЕЗАБЫВАЕМ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 21 (2550)

22 МАЯ 1976

12 МАЯ В МОСКВЕ, в Центральном доме Советской Армии, состоялась традиционная встреча ветеранов 18-й армии, сражавшихся в годы Великой Отечественной войны за Кавказ, Новороссийск и Керчь, освобождавших Украину, Польшу, Венгрию и Чехословакию. Сердечно, крепкими дружескими рукопожатиями приветствовали они Генерального секретаря ЦК КПСС Маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева — своего боевого товарища и однополчанина по 18-й армии.

Встреченный горячими, продолжительными аплодисментами перед ветеранами выступил товарищ Леонид Ильич Брежнев. От имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства он выразил ветеранам сердечную благодарность за их огромный вклад в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне, за самоотверженный труд в мирные годы.

На снимке: Л. И. Брежнев во время встречи со своими боевыми друзьями.

Фото В. СОБОЛЕВА (ТАСС)

АЯ ВСТРЕЧА



Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Центрального Комитета КПСС и Президиума Верховного Совета СССР 17 мая в Москву с официальным визитом прибыла партийно-государственная делегация Народной Республики Мозамбик во главе с Председателем Фронта освобождения Мозамбика, Президентом НРМ Саморой Моизесом Машелом.

17 мая в Кремле начались советско-мозамбикские переговоры.

В переговорах участвовали: с советской стороны — член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков;

с мозамбикской стороны — Председатель Фронта освобождения Мозамбика, Президент Народной Республики Мозамбик Самора М. Машел, член ЦК и исполкома ФРЕЛИМО, министр иностранных дел Ж. А. Чиссано, член исполкома ФРЕЛИМО, министр по делам президентства Ж. О. Монтейру, член исполкома ФРЕЛИМО, член генерального штаба народных сил освобождения Мозамбика Ж. Велозу, министр промышленности и торговли М. Г. Машунгу, министр транспорта и связи Ж. Л. Кабасу.

Во время переговоров особое внимание было уделено возможностям, которые открылись после завоевания народом Мозамбика своей независимости для дальнейшего продвижения вперед по пути сотрудничества между двумя странами в важнейших областях отношений.

18 мая состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Председателем Фронта освобождения Мозамбика, Президентом Народной Республики Мозамбик Саморой Моизесом Машелом.

В беседе участвовали: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, а также член ЦК и исполкома ФРЕЛИМО, министр иностранных дел НРМ Ж. А. Чиссано.

Товарищи Л. И. Брежнев и С. Машел подтвердили взаимное стремление КПСС и ФРЕЛИМО к укреплению межпартийного сотрудничества, их намерение всемерно способствовать дальнейшему развитию дружеских отношений между Советским Союзом и Народной Республикой Мозамбик.

Встреча прошла в теплой, товарищеской обстановке.

ЕДИН

18 мая в столице ГДР, во Дворце республики, начал работу IX съезд Социалистической единой партии Германии. Двухмиллионный отряд коммунистов социалистического немецкого государства представляют около 2500 делегатов.

На съезд прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Политбюро ЦК КПСС, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым.

Съезд открыл член Политбюро ЦК СЕПГ, Председатель Государственного совета ГДР В. Штоф. Он сердечно приветствовал делегатов и гостей, принимающих участие в съезде.

Бурными аплодисментами, стоя, приветствовали присутствующие делегацию Коммунистической партии Советского Союза. В зале звучали здравицы в честь КПСС и Советской страны.

На съезде присутствуют делегации коммунистических, рабочих национально-демократических, социалистических партий и национально-освободительных движений из 92 стран мира.

Делегаты избрали руководящие органы съезда, утвердили повестку дня.

Съезд обсудит отчетный доклад Центрального Комитета СЕПГ, отчет Центральной ревизионной комиссии СЕПГ, проект директив IX съезда СЕПГ по развитию народного хозяйства ГДР в 1976—1980 годах. Делегаты примут новую программу и новый устав СЕПГ, изберут руководящие органы партии.

Сердечно встреченный собравшимися, с отчетным докладом Центрального Комитета СЕПГ IX съезду партии выступил Первый секретарь ЦК СЕПГ Э. Хонеккер.

На снимке: во время открытия съезда.

Телефото спец. корр. ТАСС А. Стужина.

БРАВО, МОНГОЛИЯ!

17 мая в Москве, в Большом театре Союза ССР, состоялся большой концерт мастеров искусств Монгольской Народной Республики. Лучшие танцоры, певцы, музыканты познакомили советских зрителей с искусством братской страны. Этим ярким праздником народных талантов открылись Дни монгольской культуры в Советском Союзе.

Весь зал сердечно приветствовал монгольских друзей — члена Политбюро, секретаря ЦК МНРП С. Жалан-Ажава, официальную делегацию во главе с заместителем Председателя Совета Министров МНР Д. Цэвэгмидом. На открытии Дней культуры присутствовали товарищи П. Н. Демичев, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, заместитель Председателя Совета Министров СССР И. Т. Новиков.

С приветствием к гостям обратился заместитель министра культуры СССР В. И. Попов. В ответном слове министр культуры МНР Ц. Намсарай поблагодарил советских людей за радушную встречу и рассказал о дружбе деятелей искусства наших стран.

В программе Дней культуры — концерты, кинофестивали, выставки книг, картин, фотографий.

Как отметил глава делегации деятелей культуры МНР Д. Цэвэгмид, посланцы Монголии испытывают чувство особой радости и гордости в связи с тем, что праздник монгольского искусства в Советском Союзе проходит в знаменательные дни — накануне XVII съезда МНРП и 55-летия Монгольской народной революции.



На снимке: во время концерта.

Фото А. Конькова (ТАСС).

СТВО И СПЛОЧЕННОСТЬ

СНОВА ЗАЛПЫ, СНОВА ЖЕРТВЫ

В городах западного берега реки Иордан вновь раздаются выстрелы. Тысячи израильских солдат и служащих пограничной полиции были введены в главные города этой территории, оккупированной Израилем. Цель — подавление выступлений арабов против оккупантов. В Наблусе израильские войска, патрулировавшие Касбе — старый арабский квартал с 20 тысячами жителей,— открывали огонь по всякому, кто появлялся на улице. В результате новые жертвы: убит еще один местный житель, пятый за последнее время. Женщина и тринадцатилетняя девочка получили пулевые ранения.

В знак протеста против произвола израильских оккупантов арабское население объявило забастовку. Закрылись школы, магазины. Тысячи женщин с палестинскими флагами в руках собрались перед зданием муниципалитета Наблуса, требуя положить конец зверствам, чинимым израильскими властями. Манифестации проведены также в Иерусалиме, Рамаллахе, Тулькарме и других городах.

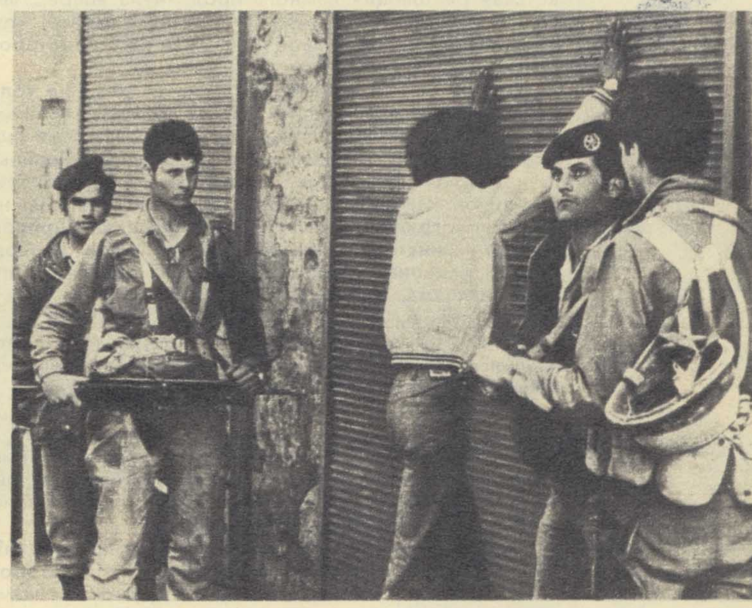
16 мая в Наблусе состоялась очередная массовая демонстрация. При разгоне демонстрантов израильская полиция применила оружие. От пули карателей погибла восемнадцатилетняя Лина Набулси. Ее похороны вылились в широкую манифестацию протеста против бесчинств сионистов.

Израильские правящие круги пытаются замолчать события на захваченных арабских землях: они не допускают туда иностранных корреспондентов, наложили цензуру в печати на все сообщения о демонстрациях.

Несмотря на свирепые расправы, усиливается сопротивление оккупантам на западном берегу реки Иордан. Именно здесь они потерпели в апреле сокрушительное поражение на муниципальных выборах. Почти всюду места в городских советах получили представители прогрессивных сил. Результаты выборов показали полное банкротство тель-авивской политики «освоения» захваченных земель.

Новая волна террора совпала с началом дебатов в Совете Безопасности, который на срочно созванном заседании рассматривает вопрос о положении на оккупированных Израилем территориях на западном берегу реки Иордан и в секторе Газы. Оккупационная политика Тель-Авива вызывает решительное осуждение мировой общественности.

В опубликованном недавно Заявлении Советского правительства подчеркивается настоятельная необходимость вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий и удовлетворения законных национальных прав арабского народа Палестины, включая право на создание собственного государства. Таково требование всех миролюбивых сил нашей планеты.



Израильские солдаты арестовывают арабского юношу.

Фото АП-ТАСС



Торжественное открытие IV Советской конференции солидарности народов Азии и Африки.

ДВАДЦАТИЛЕ

А. СОФРОНОВ

Фото А. ГОСТЕВА

Вот оно и состоялось, это событие — праздник двадцатилетия Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Как будто и очень малый срок и вместе с тем неизмеримо большой, если иметь в виду, что именно в это двадцатилетие произошли колоссальные изменения на политической карте Азии и Африки...

Когда-то великий сын индийского народа Неру, гуманист и мужественный деятель, всю свою благородную жизнь посвятивший освобождению Индии от английских колонизаторов, писал: «Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир».

Теперь мы с чистым сердцем скажем: не только может, но и постоянно движется, одерживая все новые и новые победы в освобождении всего человечества. Для этого **движения** еще в 1921 году была обозначена магистральная дорога великим Лениным, произнесшим на III конгрессе Коминтерна слова, ныне реально осуществленные самой практикой национально-освободительной борьбы народов Азии и Африки: **«...В грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма...».**

Обратилось!

Да так обратилось, что уже навсегда без остатка, рухнула колониальная система. Только последние бастионы ее еще очерчены черной линией расизма и апартеида на юге Африки.

В феврале 1963 года, во время III конференции солидарности, проходившей тогда еще в Танганьике, в городе Моши, расположенном неподалеку от подножия самой высокой горы Африки — Килиманджаро, к нам с Мирзо Турсун-заде подошел белокурый юноша. Он был встревожен. Это был студент из ЮАР, проводивший каникулы со своими друзьями здесь, у горы Килиманджаро.

— Какие цели преследует ваша конференция?— спросил он нас.

— Освобождение всей Африки от колонизаторов.

— К нам бегут сейчас белые из других африканских стран. Создается такое впечатление, что скоро у нас будет не лучше,— взволнованно произнес студент.



Герой Советского Союза, летчик-космонавт СССР Г. С. Титов на азербайджанской земле.

— У вас будет скоро много лучше,— произнес Турсун-заде.

— Как лучше?— не понял студент.

— Народы Южной Африки освободятся от колонизаторов.

И вот сейчас освобождение всей Африки подошло буквально к стенам последних бастионов колониализма.

...Все это вспомнилось в майские дни в Баку, в дни работы IV Советской конференции солидарности народов Азии и Африки.

Сердечно и гостеприимно встречала столица Азербайджана советских делегатов и зарубежных гостей.

Празднично выглядел Дворец имени В. И. Ленина, в котором состоялось открытие конференции. Бессменный председатель Советского комитета, ветеран движения солидарности, много сил отдавший сплочению афро-азиатских народов, Мирзо Турсун-заде, открывая конференцию, сказал:

— Два десятилетия участия советской общественности в боевых рядах движения афро-азиатской солидарности мы рассматриваем как одно из ярких проявлений патриотизма нашего народа, как почетное





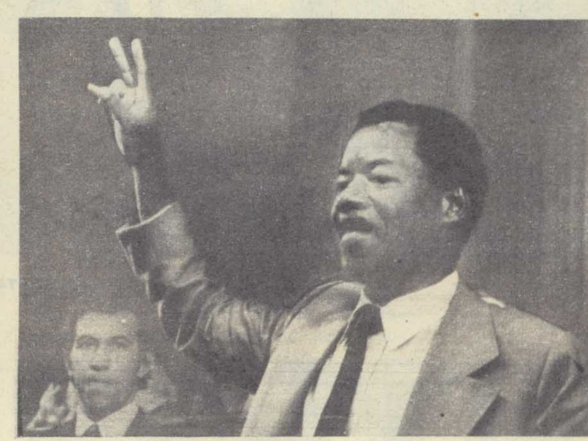
Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев.

Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Юсеф эс-Сибаи.

ТИЕ

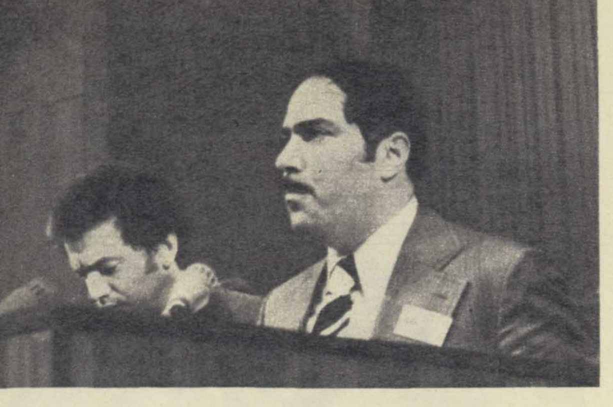


Глава объединенной делегации Вьетнама Ле Зуй Ван.

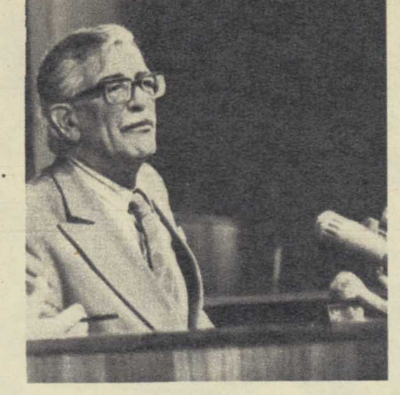


Глава делегации МПЛА (Ангола) Джулио Герра.

В зале заседаний.



Глава делегации Организации освобождения Палестины Саад эд-Дин Гандуру.



Член Президиума Всемирного Совета Мира, аргентинский писатель Альфредо Варела.

служение советских людей своему революционному призванию и интернациональному долгу на всех этапах мощного подъема антиколониальной, антиимпериалистической борьбы народов Азии и Африки. Все эти годы советская общественность высоко несет в движении афро-азиатской солидарности знамя интернационализма ленинской партии, активно содействует претворению в жизнь миролюбивой внешней политики КПСС и Советского государства.

Горячо встретили гости и хозяева Баку выступившего с большой речью кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана Гейдара Алиевича Алиева, сказавшего:

— Мне доставляет особую радость выполнить почетное поручение — передать делегатам и гостям конференции и в вашем лице всем участникам движения солидарности народов Азии и Африки сердечное приветствие и самые добрые пожелания Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева.

... Следуя ленинским принципам пролетарского интернационализма, советский народ активно участвует в общей борьбе народов против империализма, против всех форм социального и расового угнетения, за прочный мир, свободу, демократию и социальный прогресс.

Наша страна всегда была, есть и будет надежным союзником и другом всех борцов единого мирового антиимпериалистического фронта. В этом видят свой высокий интернациональный долг наша ленинская партия, весь советский народ.



Председатель Советского комитета солидарности стран Азии и Африки Мирзо Турсун-заде.

Генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки Юсеф эс-Сибаи заявил:

— На протяжении всех этих 20 лет наша организация, борющаяся за национальное освобождение, всеобщий мир, социальный прогресс, экономическое развитие и укрепление дружбы между народами, была связана тесными узами с Советским комитетом солидарности...

Разрешите мне также выразить свою глубокую признательность всей вашей стране, Коммунистической партии, Советскому правительству, народу. Я хотел бы выразить также свою благодарность руководству Коммунистической партии Азербайджана и азербайджанскому народу за гостеприимство и теплый, братский прием, который мы встретили в Баку...

На протяжении всех этих знаменательных 20 лет, о которых мы здесь уже говорили, Советский Союз выступал на стороне народов развивающихся стран, помогал им в их продвижении по пути к свободе, социальным и экономическим преобразованиям. Внешняя политика СССР, получившая яркое выражение в решениях XXIV и XXV съездов КПСС, способствовала разрядке международной напряженности, что соответствует чаяниям народов развивающихся стран, всех миролюбивых народов.



Возложение венков к памятнику В. И. Ленина.

Посадка деревьев в Парке дружбы.



Аргентинский писатель Альфредо Варела, старый друг советского народа, представляющий Всемирный Совет Мира, прилетел в Баку из столицы свободной Анголы — Луанды. Он сказал:

— Мы прожили незабываемые дни среди ангольского народа, исполненного энтузиазма и стремления строить будущее своей страны под знаком социализма... Победа ангольского народа была завоевана благодаря решительной помощи прежде всего Советского Союза и Республики Куба, а также с помощью африканских народов — Конго, Гвинеи и других. И я думаю, что Ангола, как и Вьетнам, станет символом того, чего могут добиться народы, когда они объединяются и когда им помогают такие страны, как Советский Союз и другие социалистические государства. Никто не может сомневаться в том, что благодаря единству и солидарности народов победа будет обеспечена! Как мы говорим в Латинской Америке, объединенные народы никогда не будут побеждены!



◀ Член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда В. С. Емельянов.

Горячо встретили делегаты конференции посланца героического Вьетнама товарища Ле Зуй Вана, заявившего:

— Мы убеждены, что великий советский народ, славный своими революционными и трудовыми традициями, под руководством Центрального Комитета КПСС, возглавляемого уважаемым Леонидом Ильичом Брежневым, с честью выполнит задачи, поставленные XXV съездом партии, и еще больше укрепит мощь Советского Союза — нерушимого бастиона мира и социализма во всем мире. Мы рады тому, что сам факт существования Советского Союза, первого в мире социалистического государства, его историческая победа над фашизмом и его растущая мощь являются объективным фактором, оказывающим исключительно важное влияние на упрочение и развитие социалистической системы и революционного движения народов мира.

В перерыве между заседаниями.



Один за другим выходили на трибуну делегаты, отмечая плодотворную работу Советского комитета солидарности. И это действительно так. Как маленький ручеек начиналось это движение... Вспоминаются встречи с Джавахарлалом Неру, Гамалем Абдель Насером...

Дели. Каир. Конакри. Коломбо. Газа. Дамаск. Бейрут... Бесконечные просторы Азии и Африки... Встречи в Советском комитете солидарности. Встречи во многих столицах... И неустанное движение вперед, несмотря на бешеное сопротивление колонизаторов и маоистов, пытавшихся расколоть движение афро-азиатской солидарности.

И вот — Баку!

Когда-нибудь будет написана полная история участия советской общественности в борьбе народов Азии и Африки за полный разгром империализма, колониализма и расизма. Одной из примечательных глав этой истории будет встреча в Баку, на которой коллективно продолжала создаваться благородная книга солидарности. На титульном листе этой книги будет изображен орден Дружбы народов, который отныне засиял на алом знамени Советского комитета солидарности стран Азии и Африки.

Баку
Май 1976 г.

НЕТ ВЫШЕ ЦЕЛИ



«Вы на протяжении 14 лет стоите во главе партии. Что Вы считаете своим самым крупным достижением?.. Каковы Ваши личные планы в отношении будущего?» — эти вопросы в 1971 году задал Первому секретарю ЦК ВСРП Яношу Кадару корреспондент Юнайтед пресс интернейшнл.

«Каждый, кто сравнит обстановку, имевшую место 14 лет назад, и сегодняшнюю Венгерскую Народную Республику, увидит, что в результате сплочения, борьбы и труда десятков и сотен тысяч, миллионов людей здесь произошли радикальные изменения, достигнуты большие успехи, — ответил товарищ Кадар.— Для меня важнее всего возможность быть участником этого процесса и сознание того, что мои личные усилия не были напрасны и в чем-то способствовали достижению имеющихся результатов... Каких-то особых планов в отношении себя лично у меня никогда не было, нет их и теперь. Я уже давно связал свою жизнь с одной идеей и в общем всегда делал то, чего требовало или допускало служение этой идее...»

Да, жизнь этого замечательного человека, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, испытанного руководителя венгерских коммунистов, прошедшего большой путь — от рабочего, коммуниста-подпольщика до высшего руководителя партии и страны, — неотделима от жизни и судьбы его родины. И потому сборник, недавно выпущенный Политиздатом, «Янош Кадар. Избранные статьи и речи» читаешь с огромным интересом.

Эти статьи и речи появились в ходе повседневной работы партии как ответ на новые сложные вопросы, возникавшие в процессе социалистического строительства в 1970—1975 годы. И хотя главные события, которые анализируются в сборнике, происходили именно в это пятилетие, круг глубоких, порой противоречивых проблем, которые автор исследует с марксистско-ленинских позиций, выходит далеко за эти хронологические рамки.

Читатель, ознакомившись с материалами, получает возможность проследить работу одного из передовых отрядов мирового коммунистического движения, его центрального штаба, уверенно направляющего развитие общественных процессов в Венгрии. Автор рассказывает, как осуществляется теоретическая и практическая деятельность партии при решении задач развития экономики, культуры, образования и воспитания молодежи.

Характеризуя нынешний этап социалистического строительства, товарищ Кадар отмечает важность дальнейшего укрепления роли партии и государства, совершенствования форм управления, развития социалистической демократии.

Исследуя мировой революционный процесс, ход становления и рост стран социалистической системы, товарищ Янош Кадар вновь и вновь возвращается к мысли о единстве, утверждая, что «главный залог дальнейшего развития международного коммунистического и рабочего движения, мирового социализма — укрепление интернационалистической сплоченности». В этих словах глубокая убежденность человека, который своей твердостью, последовательностью и большим личным мужеством доказал верность идеям марксизма-ленинизма, возглавив партию в самый критический момент жизни страны, когда реакционные силы развязали вооруженный контрреволюционный мятеж.

Наше главное оружие в идеологии — правда марксизма и ее пропаганда, говорит Янош Кадар. И все материалы этого сборника дают убедительный пример его страстной, несокрушимой убежденности в великой жизненной силе ленинских идей. Из книги читатель узнает не только о том, какими проблемами живет сегодня социалистическая Венгрия, но и ближе знакомится с большим другом нашей страны, которого товарищ Л. И. Брежнев назвал «последовательным революционером-ленинцем». Он предстает со страниц сборника мудрым политиком, подлинным интернационалистом, человеком большого обаяния — скромным, умеющим любить людей и заботиться о них.

Именно таким мы, группа журналистов «Огонька», увидели товарища Яноша Кадара в феврале прошлого года, переступив порог его рабочего кабинета. У него было в те дни очень много важных партийных и государственных дел: приближались XI съезд партии и тридцатилетие освобождения страны. Беседовать с товарищем Кадаром было легко и приятно оттого, что он удивительно прост в обращении, и еще оттого, что любит он шутку.

Узнав, что мы собираемся быть на пуске нового крупного промышленного объекта венгерской индустрии — олефинового комплекса Тисайского химического комбината, — он сказал: «Это очень большое достижение, потому что в нем воплощен новый, более совершенный тип производственного сотрудничества между нашим предприятием и советским Калушским химико-металлургическим комбинатом. Не только экономисты, но и вы, журналисты, должны изучать эти новые черты социалистического мира. Мы в Венгрии гордимся нашей дружбой с советскими людьми и очень бережно относимся к развитию самых разнообразных контактов между нашими странами — от встреч на высшем уровне до «поездов дружбы», которые тысячам и сотням тысяч людей дают возможность лично подружиться друг с другом...»

Книга, изданная Политиздатом, безусловно, станет новой и памятной встречей с Венгрией.

Новелла ИВАНОВА

Янош Кадар. Избранные статьи и речи. (Февраль 1970 г. — декабрь 1975 г.). М., Политиздат, 1976, 534 стр.

БОЛГАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ М. А. ШОЛОХОВУ

В посольстве НРБ в СССР 12 мая состоялось вручение М. А. Шолохову премии «За большой вклад в мировую литературу», учрежденной в 1975 году Софийским городским народным советом. Она будет ежегодно присуждаться болгарским и зарубежным художникам слова.

Видные советские писатели, деятели культуры, представители общественности столицы, известные болгарские литераторы, сотрудники посольства тепло приветствовали М. А. Шолохова, первым удостоенного этой премии.

Посол НРБ в СССР Д. Жулев сообщил, что М. А. Шолохов стал почетным гражданином Софии.

М. А. Шолохов сердечно поблагодарил болгарских друзей за почетную награду.



На снимке: Во время торжественной церемонии.

Фото Р. Федорова

«В НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЕ РСФСР РАЗВЕРНУТЬ РАБОТЫ ПО КОМПЛЕКСНОМУ РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И СВЯЗАННЫХ С НИМ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ОСУЩЕСТВИТЬ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УКРЕПЛЕНИЮ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ БАЗЫ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА, РАСШИРИТЬ РАБОТЫ ПО МЕЛИОРАЦИИ ЗЕМЕЛЬ, ЗНАЧИТЕЛЬНО УВЕЛИЧИТЬ НА ЭТОЙ ОСНОВЕ ПРОИЗВОДСТВО ЗЕРНА, ПРОДУКТОВ ЖИВОТНОВОДСТВА, ЛЬНА, КАРТОФЕЛЯ И ОВОЩЕЙ».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы»

ЧЕЛОВЕК

Владимир ШАЙКИН, кандидат сельскохозяйственных наук

«КАК ПРЕКРАСНА земля и на ней человек!» — воскликнул поэт. Глубокое содержание имеет эта общность. Содружество человека с землей длится многие тысячелетия и все более усиливается с каждым годом, обретая новые связи и формы. Вначале, как известно, было полное подчинение людей природе, подчинение это носило подчас даже мистический характер. Потом человек взял в руки мотыгу и серп, запряг лошадь или вола в плуг и самодельную борону, раскорчевал и расчистил дикие заросли лесов, распахал целинные крепи. С веками он лучше постиг как доброту земли, если она хорошо обработана, удобрена и напитана влагой, так и силу ее равнодушия, даже гнева, если кто-то пытался только брать от пашни, ничего не возвращая... И вот теперь, в наши дни земледелец, «оседлав» самоходные машины, сумел так изменить и ускорить все работы в поле, что впервые за историю человечества стало возможным соблюдать условия, какие требуются для наилучшего развития растений, для получения от них наивысшей продуктивности. Реальной стала возможность вести земледелие на научной основе. В том числе и в зоне Нечерноземной полосы, в местах нашей серединной России, где на тысячах километров раскинулись старые отчие земли.

Что представляют собой они? Почвы здесь очень нежны, уязвимы, местами пахотный слой мал — всего несколько сантиметров. «Одна глина,— говорят тогда,— чего от нее ждать, какого урожая? Бесплодная земля — подзол...»

Действительно, в обширной лесной полосе почва не черная, не перегнойная, но серенькая или совсем белесая, очень похожая на золу. И перегноя в ней немного, два-три процента, в лучшем случае четыре, тогда как в черноземе его втрое больше. И тем не менее для большинства районов нашей страны именно такие нечерноземные почвы — дерново-подзолистые, серые, лесные — служат основным средством производства хлеба, картофеля, овощей, кормов. Они же являются и великой лабораторией природы, где постоянно солнце и человек ведут свои эксперименты, смысл которых один — повышение плодородия!

Не случайно в работах по преобразованию сельского хозяйства Нечерноземной зоны России, развернувшихся сейчас по воле партии с таким размахом в двадцати девяти областях и автономных республиках, главная роль отводится улучшению почв. Они здесь значительно беднее природными запасами плодородия, чем в других местах. Где выход? Мелиорация. Что это значит? Земли должны быть насыщены элементами питания, структуру их надо улучшить, кислотность понизить и обеспечить поле оросительными и осушительными системами. Все это позволит человеку внести коренные поправки в действие благоприятных в общем-то природных факторов.

МНЕ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ приходилось бывать в разных местах Нечерноземья, знакомиться так или иначе с работой хозяйств и научно-исследовательских учреждений. И везде про себя я невольно отмечал: как же быстро тут происходят перемены! От старой и привычной нам деревни мало что остается даже в самых глухих лесных углах. А новая прорастает шиферными крышами с мачтами антенн, необычными, дачного типа домами, радует сверкающими стеклами больших веранд, неоном и асфальтом на улицах. Она, новая деревня, разворачивается и небывало обширными, ровными полями и пастбищами, огороженными проволокой и по-весеннему зелеными до самой зимы. Навсегда уходят в прошлое маленькие родительские деревеньки, когда-то приветливо глядевшие на нас окнами из-под ветел и берез, будто старушки из-под руки. Они незаметно исчезают. Кое-где уже осталось лишь по два-три таких дома, как в моем родном Кирякове, что за Калязином, за Волгой. На взгорке среди пышных трав, каких раньше-то, кажется, и не бывало никогда, стоит старый дом под березами и небольшим садом на задах. И живет в нем один дядя Коля, бывший старшина батареи и колхозный бригадир. Чуть повыше, на горе, стоят еще два дома. И к каждому протянулись электрические провода. Поневоле думается, что наше поколение, пожалуй, последнее, которое хорошо помнит и видит своими глазами остатки старого крестьянского уклада.

За речной луговиной, на холме, где когда-то сизыми волнами играла рожь, теперь стоит большой коровник. В нем мой товарищ детства Сергей Красоткин работает механизатором. Он обслуживает столько коров, сколько раньше их не было во всем колхозе. Его старший брат Николай обрабатывает поля и убирает комбайном урожай на площади, где не так давно едва управлялись три деревни. Три! Сборы зерна и трав стали не ниже, а выше, льны, которыми когда-то приходилось заниматься всем, от мала до велика, стоят чистыми и стройными. И убирается все скорее, хотя человека в поле, можно сказать, и не видно. То трактор пророкочет, то автомашина, то самолет.



Земля суздальская. Весна. На новую пашню...



Фото Б. Кузьмина.

НА ЗЕМЛЕ

Но появились и видимые любому огрехи. Там, где раньше Александр Тимофеевич Красоткин с конным плужком или его сосед Николай Мельников на ХТЗ с трехкорпусным плугом добирались до каждой канавки, прорытой дедами и прадедами, до любой поросшей осокой мочажинки и старались аккуратно приобщить их к полю, там, в низинах, теперь образовались заросли ивы. А часть полей попросту затянула луговая трава. Вместо до блеска выглаженных тропок, проложенных в основном по канавам, вместо скромных проселков, прорезанных колесами телег и провешенных измазанными дегтем метелками трав, пролегли широкие машинные дороги с частыми объездами, а поля в таком обрамлении помельчали, неудобней стали для применения современных машин. Они даже выглядят как-то неряшливее. Правда, лес за Малаховом, куда мы ходили по грибы, и болото, тянувшееся на километры, недавно раскорчевали, осушили, и здесь появилось большое поле, и прибавка к пашне получилась изрядная. Но она отнюдь не восполняет тех утрат, которые понесли поля от разбитых машинами дорог. Ясно, что незамедлительно надо бы улучшить эти земли, спланировать и обязательно включить в них все нынешние неудобья.

Как велики они, эти «бросовые» земли, и как существенна может быть прибавка от них, судите хотя бы на примере совхоза «Восток» Московской области. Здесь расчистили все когда-то пахавшиеся участки. А потом окультурили и заросшие кустарником земли, упорядочили планы поселков, точно определили и строго ограничили дороги. Так, за последние три года прибавили к пашне почти двести пятьдесят гектаров.

КУЛЬТУРА ПОЛЯ всегда шла рука об руку с культурой человека. Об этом говорил еще Климент Аркадьевич Тимирязев. Теперь уровень наших знаний о жизни растений и почвы, современные материально-технические возможности позволяют держать ее высоко, как никогда, на каждом поле и лугу. Высокая культура земледелия не допускает неряшливо обработанных полей, огрехов, развальных борозд и свальных гребней, так называемых «балалаек» и «гитар» на пашне и посевах. Она требует серьезной заботы, то есть проведения всех работ в наилучшие для растений сроки. Требует грамотного применения удобрений, ядохимикатов, поливов, быстрой уборки урожая и закладки его на хранение.

Культура нечерноземного поля год от года растет — это очевидно. Достаточно взглянуть на урожаи. За короткий срок они в большинстве хозяйств поднялись с десяти до тридцати и более центнеров с гектара, а в среднем — в полтора раза. Некоторые передовые колхозы и совхозы уже собирают на старопахотных землях серединной России по пятьдесят центнеров зерна с гектара. Нечерноземье на наших глазах догоняет Кубань и Украину! А стоит вспомнить, как было тут недавно...

В Горках Ленинских, в Доме-музее Владимира Ильича, стоят два снопа — пшеничный и овсяный. Их принесли сюда крестьяне еще тогда, когда Ленин тут жил. Скромный дар сердца. И Владимир Ильич, говорят, частенько останавливался перед ними, задумывался. О чем? Возможно, о том, как трудно хлеб дается людям. И как много еще таких, кто не может поесть его досыта. Как важно облегчить его выращивание, а крошечные, неровные, словно лоскутки на мужицком одеяле, поля, поросшие васильками и осотом, сделать широкими и, главное, плодородными. И снопы с них — более колосистыми. Для этого надо было объединиться — и землей и силами, переходить к машинам, а с ними — к научному земледелию вообще.

Ленин, рассказывают, ходил по полям, встречался с крестьянами, расспрашивал их, как думают вести хозяйство дальше. А однажды, 9 января 1921 года, из соседней деревни Горки к нему прибыли сразу трое ходоков — пригласили на сходку. Поехали тотчас, вместе с Надеждой Константиновной. В избу Василия Шульгина народу набилось битком:

пришли не только местные жители, но и многие из окрестных деревень. Был здесь и сын Василия — Михаил. Он вспоминает, что главный совет Ильича можно было свести к одному — надо сообща!

Ранней весной 1924 года в Горках стали работать совместно, в «товариществе», пять семей. Вскоре число их удвоилось, а в сентябре 1929 года двадцать восемь хозяйств объединились в сельхозартель, которую назвали именем Владимира Ильича. Потом в нее вошли все крестьяне деревни. Сейчас колхозу исполнилось 45 лет. Все это время он набирал и набирал силы, стал одним из лучших в области. Когда-то на полосках крестьяне собирали самое большое по шестьдесят пудов с десятины ржи или овса (значит, не более десяти центнеров с гектара), по четыреста пудов картофеля. А теперь? Уже в 1970 году намолотили с гектара по пятьдесят три центнера зерна, озимой пшеницы — по пятьдесят восемь центнеров! И что важно: с тех пор урожаи продолжают оставаться столь же высокими.

Удобрения и систематическое известкование совершенно изменили химию земли. Резко повысилось содержание в ней питательных веществ. Агрохимические карты полей из красных стали желто-зелеными и синими, а это признак намного возросших запасов плодородия.

Недальний сосед колхоза — совхоз «Заря коммунизма» в Домодедовском районе достиг подобных же результатов: в прошлом году здесь на площади около двух тысяч гектаров собрали зерновых более чем по пятьдесят центнеров, а озимой пшеницы — по пятьдесят два центнера. И даже в Ленинградской области, где почвы когда-то были особенно бедны, в совхозе «Гатчинский» в 1973 году получили озимой ржи («гибрид-173») по пятьдесят семь с половиной центнеров с гектара, а яровой пшеницы «ленинградка» в следующем году — по пятьдесят два с половиной центнера.

ВОТ ОН СТАЛ КАКИМ, нечерноземl Оказывается, он может быть ничуть не хуже чернозема. В этом убедились десятки хозяйств. Но как этого добиться всем? Доступно ли — в с е м? Вполне. Главное, как показывает жизнь, приложить к земле знания и руки.

Приходится принимать меры прежде всего по улучшению всех свойств земли — работа трудоемкая. И в то же время очень тонкая, можно сказать, ювелирная. Почему? Потому что важную роль в ней играют многие факторы одновременно: и обработка почвы и внесение удобрений... Современная техника позволяет проводить все работы вовремя, с нужным качеством и тем самым обеспечить растениям условия для хорошего развития.

Мне не раз приходилось бывать в Суздальском районе, Владимирской области. Так вот здесь раньше, чем в других местах, началась широкая химизация. Суздальское Ополье — поистине земледельческая жемчужина зоны. В прошлом году хозяйства собрали по двадцать пять с половиной центнеров зерна на круг. И картофеля тут стали выращивать в два раза больше. Таков результат комплексного применения удобрений в масштабах района.

Все большее внимание обращается на улучшение качества продукции. Эта задача, мы знаем, выдвинута XXV съездом партии как важнейшая. И чтобы решить ее, надо всячески повышать культуру земледелия и животноводства. А она, культура, прямо зависит от профессиональной подготовки работников полей и ферм.

«Сельскохозяйственное дело, очевидно, до крайности сложно,— писал в конце прошлого века Дмитрий Иванович Менделеев, кстати, писал, когда о настоящей сложности этого «дела» можно было лишь догадываться,— а потому для своей разработки требует близкого знакомства с условиями и явлениями, действующими в почве, в растениях и в самом хозяйстве, что может быть доступным только лицам, исключительно им занятым, но в то же время обладающим современным запасом разных специальных сведений».

Знания ученый поставил на первое место. Если это было так сто лет назад, то теперь, при сложном техническом оснащении села, роль людей, специально подготовленных для той или иной работы, становится определяющей.

Выращивание пшеницы, ржи, картофеля, огурцов или капусты, в сущности, непрерывное, в течение круглого года творчество. Творчество, одно из самых увлекательных в мире. В нем и радость и гордость земледельца. Интересно, что по-настоящему он удовлетворен бывает тогда, когда с начала и до конца сам делает урожай. И сам «отвечает» за него. Поэтому так разительно все улучшается, когда в хозяйстве переходят на звеньевой метод работы с оплатой за конечный результат. То есть, иначе говоря, когда ключи от урожая доверяют самому земледельцу. Это заставляет его глубже постигать секреты плодородия, постоянно учиться и советоваться с агрономом, с инженером, все выполнять самым лучшим образом.

В хозяйствах Нечерноземья много звеньев, работающих с большой отдачей. Но пример этих звеньев заставляет теперь думать над тем, как расширить поле их деятельности. Они, без преувеличения, должны сыграть выдающуюся роль, поскольку тут много до сих пор мелких участков, каждый из которых требует одного хозяина, особой любви.

Другой путь — автоматизация производства, поля под стеклянным небом. Мы уже знаем автоматизированные оросительные системы и теплицы, животноводческие заводы. Примером может служить тепличный комбинат «Московский». Здесь приборы определяют водный, тепловой, пищевой, газовый и световой режимы, позволяют соблюдать такие условия, которые наиболее благоприятны для роста и развития растений. И работают здесь не былые «огородники», но люди самой высокой квалификации, специалисты по закрытому грунту.

СТАНЕТ ЛИ нечерноземная земля черноземной? Во всяком случае, не менее плодородной? Коли этого не смогла сделать природа, этого добьются новые поколения земледельцев, руководимых ленинской партией.

СВОБОДА,

В 1972 году в Гвинее вышел в свет сборник стихов «Сражающиеся поэмы». Его автор — видный политический деятель независимой Африки, президент Гвинейской Республики, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Ахмед Секу Туре.

Мы публикуем два стихотворения из этой книги.

ГОВОРИТ АФРИКА

Это я — Африка.
Я говорю во весь голос.
Я задаю
всему остальному миру
гневный вопрос:
почему
дети мои
были придавлены злом,
почему
их тела
были исполосованы плетью,
почему
на руках и ногах
носили они
кандалы,
почему они в голоде жили,
задыхались в грязи?
Имя мое затерялось
в потоке чужих,
непонятных и мертвых словес,
которыми завоеватель
пытался меня окрестить.
Но воля детей моих,
воля моих дочерей,
воля гордых моих сыновей
положила конец
злобе и грабежу,
произволу и лжи!

Это я — Африка!
Я говорю во весь голос.
Недруги наши —
потомки насильников старых —
новые цепи куют,
чтобы в рабстве держать
не руки и ноги,
а разум мой,
душу,
и сердце,
и совесть.
Много еще на пути моем
горя и бедствий —
голод,
и страх,
и нужда,
и невежество,
и слабоволье.
Но сыновья мои
смело бросаются в бой
по призыву судьбы.
Разрушают, чтоб строить,
чтоб все обновить,
возродить,
воссоздать,
воскресить,
оживить,
чтоб очистить себя —
освободить от пороков,
от темных изъянов,
от пятен былого.

Это я — Африка!
Шествуй,
моя революция!
В битвах
учи, закаляй
всех моих сыновей —
темнокожих и белых!
Пусть будет вырвана с корнем
проклятая несправедливость
и на обломках цепей
расцветут золотые цветы:
Единство,
Достоинство,
Правда —
и прорастет нежный цветок —
Красота.

Наша свобода проснулась,
расправила плечи,
раскрыла глаза...
Да восстановит она
мое славное имя,
покажет дорогу вперед,
богатства мои оградит

ГЛАШАТАЮ РЕВОЛЮЦИИ



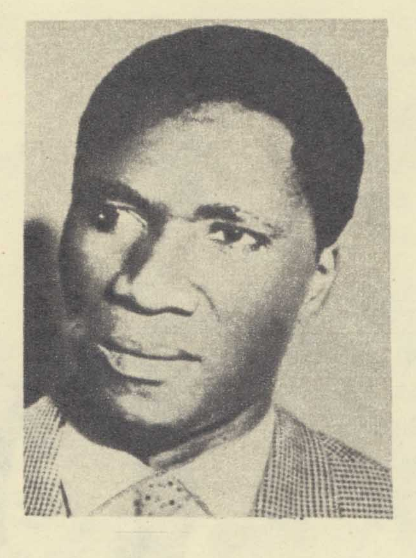
Поэтические антологии часто несколько суховаты. Мирно соседствуют в них стихи разноплановые, сведенные временем или какой-то общей темой. Книга «Советские поэты о Маяковском» тоже антология, но как выделяется она живой влюбленностью в героя, объединившего под одной обложкой произведения более 150 авторов, пишущих на двадцати языках народов нашей страны. Да, в этой книге один герой — великий советский поэт Владимир Маяковский.

Когда-то Белинский писал, что Пушкин «принадлежит к вечно живущим, вечно движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за ней эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего». Это тонко подмеченное критиком постоянное, непрекращающееся развитие взгляда на

Советские поэты о Маяковском. М., «Советский писатель», 1976, 424 стр.

БУДЬ ВЕЧНО СО МНОЙ!

АХМЕД СЕКУ ТУРЕ



от чужих завистливых глаз
и ненасытных зубов.

Свобода,
будь вечно со мной
и веди меня в даль,
в бесконечный простор!
Жить иначе
я не хочу.
Быть свободной навеки —
веленье моей души
и сердца жаркий призыв!

Я ВЕРЕН ТЕБЕ, МОЙ НАРОД

Народ мой,
Гвинея моя!
Я мог быть
горемыкой-младенцем,
не знающим, что такое
вкус молока
и тепло материнской груди;
мальчишкой бездомным,
не знающим крова
над головой;
нищим подростком,
не знающим
доброй отцовской руки;
юношей темным,
не знающим разума
и просвещенья;
гвинейцем,
дожившим до зрелых лет
и не знающим совести,
права и чести,
вором,
лентяем,
бродягой,
мошенником,
плутом...
Народ мой!
Гвинея моя!
Я мог быть
бедняком,
взятым в тугое ярмо,
словно вол,
и согбенным,
словно навьюченный мул;
жалкой игрушкой
в чужой
беспощадной руке;
наемником,
что выполняет
любые приказы;
задешево купленным
жадным рабом,
топчущим собственный сад;
душителем братьев своих,
вытравляющим плод Свободы
из чрева матери нашей,
гвинейской земли.

Народ мой!
Гвинея моя!
Я мог быть
отщепенцем,
ничтожеством,
человек без цели,
с лицом без лица,
безвольной марионеткой,
которую водит хозяин
на веревочке
и управляет всем —
желаньями,
мыслями,
волей,
поступками,
телом и духом —
всем,
что составляет Меня.
Но я никогда не смирялся
с этой бесславной,
с этой постыдной судьбой.
Ибо ты,
мой народ,
бился в сердце,
струился по жилам
потоком бушующей крови,
бушевал во мне
гневом,
надеждой пылал,
состраданьем звенел.

Ты меня
вызвал из небытия,
дал сознание мне
и вложил
в мою плоть
огнедышащий голос
Высокого Духа,
Любовью,
пламенной верой,
жаждой победы,
стремлением к правде
наполнил ты
душу мою.
И стал я
тем, что я есть,—
верным сыном твоим!

Народ мой!
Гвинея моя!
Край веселых,
горячих,
открытых людей,
родина львов,
не терпящих
подлой неволи!
Всем я обязан тебе:
жизнью,
совестью
и возрожденьем.
Это ты, мой народ,
меня вскормил и вспоил,
поднял из бездны и мрака
к лучам вековечного Солнца,
воспитал
и укрыл от беды,
и научил отвергать
все низкое,
все, что рождает позор,
суету и безволье!

•

Я клянусь тебе быть
верным
всегда до конца!
Твой голос впечатан
в сердце мое.
Я закалился
в пламени воли твоей.
Только вместе с тобой
я найду
все, чего ищет душа,
все, к чему тянется разум.
Весь я принадлежу
только тебе.

Знай: неведомы мне
колебанья.
Все мои мысли
и труд,
и надежда,
и радость,
вся моя жизнь
до последней
отчаянно горькой минуты
отданы только тебе.
Ради тебя,
твоего процветанья,
ради того,
чтоб исполнились все
замыслы светлые,
все сокровенные
наши надежды,
чтоб грядущее наше
стало прекрасным и чистым —
буду тебе служить
до конца,
мой народ!

Перевел
Михаил КУРГАНЦЕВ.

личность и творчество великого художника можно проиллюстрировать и произведениями о Маяковском поэтов разных поколений. Сборник стихов о нем составлен таким образом, что читатель как бы следует по этапам биографии поэта. Причем наиболее интересными гидами в этом пути оказываются, конечно, те, кто был свидетелем яркой жизни Владимира Владимировича.

Я тебя в твоей не знала славе,
Помню только буйный твой
рассвет,
Но, быть может, я сегодня
вправе
Вспомнить день тех отдаленных
лет.
Как в стихах твоих крепчали
звуки,
Новые роились голоса!..

Так писала в 1940 году Анна Ахматова.

Детство поэта, его родина — Багдади, юность, что «горячо изливалась из горла-вулкана», партийная работа молодого Маяковского — вот о чем узнает читатель в первом разделе сборника «Багдадские небеса и московские зори». Другие разделы: «Революцией мобилизованный и призванный», «Я земной шар чуть не весь обошел...», «Я к вам приду в коммунистическое далеко», «Слово — полководец человечьей силы». Составитель сборника директор Государственного музея В. В. Маяковского Владимир Макаров писал о принципе построения этой книги: «Несомненно, что деление материала по разделам носит порою — и это неизбежно — несколько условный характер». Следует отметить, что тщательный подбор стихотворений и умелая композиционная организация сборника придают ему необходимую цельность и завершенность.

Казалось бы, обилие произведений, многочисленность авторов требовали обширного академического комментария. Но это лишь «засушило» бы издание, и образ «живого» Маяковского потонул бы в сопроводительном материале. В сборнике «Советские поэты о Маяковском» найден другой, интересный и неожиданный ход.

Каждый раздел начинается с рубрик: «Владимир Маяковский. Я сам. О времени и о себе» и прозаической «Голос советских поэтов». Они как бы вводят читателя в поэтическую стихию, задают тон. Несмотря на лаконизм, многие включенные в вводные рубрики высказывания поэтов о Маяковском отличаются глубиной проникновения в самую суть того уникального явления, каким было его творчество.

Это же можно отметить и в стихах таких поэтов, как Тициан Табидзе и Павло Тычина, Василий Каменский и Михаил Луконин, Евгений Евтушенко и Вера Инбер, Паслей Самык и Михаил Кульчицкий, Вера Звягинцева, Мейнхард Рудзитис и многих других, представленных в сборнике.

Как «живой с живым» говорит каждый из них с Маяковским, в стихах утверждая бессмертие поэзии певца революции:

И, крутые пройдя переходы,
Взяв свое у суровой судьбы,
Слышим мы его голос сквозь
годы,
Словно отзвук походной трубы.

Как живого приветствуем:
здравствуй,
В шуме рек и в цветенье долин,
Первый наш современник
горластый
И грядущих веков гражданин.

(Н. Рыленков)

От написанных десятилетия назад стихотворений и поэм современников о Маяковском — «Маяковский начинается» Н. Асеева, «Маяковскому» Марины Цветаевой и других — до возникших совсем недавно, в год, когда отмечалась 80-я годовщина поэта,— таков диапазон произведений, вошедших в сборник. Не все, конечно, равноценны по поэтическому мастерству, но нет среди них холодных и равнодушных, и с любовью подобранные составили они яркую, запоминающуюся книгу.

Прекрасный образ рождается на этих страницах. Создание такой антологии — достойный памятник Владимиру Владимировичу Маяковскому, стоявшему вместе с Горьким, Блоком, Есениным у истоков советской литературы.

Н. КОЛОСОВА

1776–1976

С. Я. ЛЕМЕШЕВ,
народный артист СССР



Л. Собинов — Ленский.

ДВА ВЕКА

Двести лет Большому театру...

Сколько радости и восторга пережили здесь люди за эти годы!

Большой театр — поистине храм культуры и искусства, властитель душ и дум многих поколений.

Оглядываясь сегодня на историю театра, ясно видишь, что особенно высокое значение, способность облагораживать мысли и приобщать людей к прекрасному Большой театр получил после того, как открыл свои золоченые двери перед народом, освобожденным Великой Октябрьской революцией.

Широким и свободным потоком полилось искусство, раскрывающее самую душу народную, — искусство музыкальное. Много лет ждал этой поры театр. Не случайно весь путь его, как чуткий барометр, отражал



А. Нежданова в роли Маргариты в «Фаусте» Ш. Гуно.

Ф. Шаляпин в опере А. Бойто «Мефистофель».

СЛАВЫ

духовную, общественную жизнь русского народа; не случайно самые яркие страницы истории Большого театра связаны с ростом национального самосознания, подъемом революционно-демократического движения.

Давайте вспомним... Последняя треть XVIII века. Россия Фонвизина, Радищева, Державина... Уже учреждена Академия наук, открыт Московский университет. Теперь возникает профессиональная музыкальная сцена, которая — буквально с первых представлений — заявляет о себе как о самобытном театре с ярко характерным репертуаром. Актеры, певцы, танцовщицы, пришедшие на сцену из крепостных театров, закладывают фундамент славы Большого театра, утверждают главное его направление: мастерство, правдивость, демократизм.

И пусть великосветская, «по-русски ни говорить, ни разуметь» не умеющая публика, «естьли не гнушается Российским зрелищем, то по крайней мере по великодушию своему его презирает», как писал тогда драматург и актер П. А. Плавильщиков. Пусть ценит она лишь виртуозное исполнение произведений Чимарозы, Перголези... Москвичи «низшего разбора» — купцы, горожане, чиновники — с восторгом принимают знаменитую оперу Соколовского «Мельник — колдун, обманщик и сват», «Скупого» Пашкевича, балет «Взятие Очакова», дивертисменты, где оживают родные русские пляски...

Стремление к национальной самобытности будет находить выход и в начале следующего столетия в балетных спектаклях Глушковского, впервые обратившегося к пушкинским сюжетам; в ярком таланте балерины Санковской, которую М. Е. Салтыков-Щедрин назвал «пластическим разъяснителем нового слова»; в мелодичности опер А. Н. Верстовского, А. А. Алябьева. И, наконец, приведет на сцену в 1842 году великого «Ивана Сусанина» великого Михаила Ивановича Глинки.

В прошлом веке сцена императорского Большого театра стала ареной борьбы не просто за репертуар, но за самую идею высокого духовного назначения искусства. И как ни деспотичен был гнет царских театральных властей, как ни настойчив курс их на развлекательную роль музыкальных спектаклей, искоренить идею просветительства и правды этой сцены им не удавалось.

Позабылись феерические балеты Сен-Леона и итальянские фиоритуры модных гастролеров. Но остались, как знамя, слова А. С. Даргомыжского «Хочу правды!», и пробивала себе путь на сцену Большого театра сквозь раздражение и равнодушие «света» гениальная русская музыка М. П. Мусоргского и А. П. Бородина, П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова... Лучшие европейские оперы звучали здесь по-новому, одушевленные талантом московских певцов, освещенные мастерством оперного реализма. Рядом с божественной Тальони встала Жизель — Андреянова. Мир впервые заговорил о русской школе балета.

Спросите любого человека: с какими именами связана для него история Большого театра? В ответ, конечно, услышите: «Шаляпин, Нежданова, Собинов»...

Да, для славы театра достаточно одних только этих гениев. Их творчество было, есть и будет эталоном мирового искусства всех времен. Но истинное величие Большого в том, что эти артисты не могли не появиться на его подмостках: их выход готовила сама история русской культуры, история русской сцены. То, что привлекало далеких наших зрителей-предшественников, то, чем восторгались они, слушая Н. Салину, П. Хохлова, выкристаллизовывалось, чтобы на весь мир прозвучать великолепными голосами Ф. И. Шаляпина, А. В. Неждановой, Л. В. Собинова... Глубочайшая связь с родной песенной стихией, владение любой мелодической формой, огромная культура слова, умение вникать в смысл и поэтическое содержание музыки, передавая и мысль и искреннее чувство, наконец, умение создавать в опере человеческие характеры — в этом школа Большого театра, его музыкальное лицо.

Глобальные, коренные перемены, которые принес Октябрь, открыли искусству главный путь — путь к народу.

Притягательную силу музыкального искусства, его духовное влияние на характеры, чувства простых людей мне довелось испытать на самом себе еще в юные годы. И, конечно, не случайно самый яркий след оставило искусство Большого театра. Впервые встретился я с ним в Твери. Да, именно там! Артисты Большого, верные своему демократическому кредо, выезжали на самые «негромкие» сцены. И вот вместе с товарищами по кавалерийской школе, где я тогда учился, мы ходили на далекую окраину, в рабочий клуб ткацкой фабрики, слушать «Травиату», «Демона», «Риголетто»... Наверное, кому-то покажется невероятным такое сочетание: 1920 год, гражданская война, разруха — и оперные спектакли на «захолустной» сцене с участием столичных премьеров. А ведь так и было.

Среди артистов Большого театра особенно запомнились тогда тенора Богданович и Юдин. Зрителями были и горожане и рабочие фабрики, среди которых много моих односельчан и даже родственников. С каким же вниманием и восторгом слушали мы певцов, а после делились впечатлениями: горевали о Джильде, которая добровольно пошла на смерть ради любимого, восхищались веселыми выдумками Фигаро, игрой и пением Альмавивы и Розины, сочувствовали Демону... Нам нравился внешний вид героев, их поведение, нас волновала музыка и очаровывало пение; мы что-то запоминали, уносили с собой и после каждого спектакля духовно поднимались. Быть может, на маленькую ступеньку, но становились выше.

А как забыть концерт А. В. Неждановой, Л. В. Собинова, С. И. Мигая... Успех корифеев Большого театра у публики был огромный. Помню, как все готовились заранее услышать необыкновенный собиновский тенор. Но то, что я услышал, превзошло все ожидания: я просто не знал, что в природе может существовать человеческий голос такой красоты и обаяния. Леонид Витальевич был в прекрасной форме, легко пел труднейший романс Вертера, рассказ Лоэнгрина, ну, и конечно же, арию своего неповторимого Ленского... Мог ли я подумать тогда, сидя где-то в последних рядах партера, одетый в военную форму курсанта кавшколы, что через десять лет стану солистом Большого театра и буду часто разговаривать с Собиновым, получать от него драгоценные советы, полюблю его как человека не меньше, чем певца...

Но до этого еще надо было дожить. Надо было научиться духовно воспринимать самое искусство Большого театра. И я опять думаю, что мое тогдашнее восприятие искусства было типичным для современников, для тех зрителей театра, новых и желанных людей народа, которых Большой растил для своих будущих завоеваний...

Даже не знаю, сумею ли я передать словами то впечатление, где соединялись восторг, удивление и какая-то растерянность, когда, подойдя на галерке к барьеру, я впервые стал рассматривать красоту и грандиозность зала Большого театра. Оркестранты, готовясь к спектаклю — давали «Евгения Онегина» П. И. Чайковского, — по нескольку раз повторяли отдельные «кусочки» своих партий... Наконец огромная красавица люстра погасла, и за пульт встал дирижер; это был Н. С. Голованов, выдающийся музыкант-руководитель. Оркестр сыграл небольшое, но удивительно выразительное вступление, в котором даже я почувствовал какую-то легкую грусть, неуловимую дымку печали. Потом открылся занавес; на сцене хозяйка дома Ларина и няня; потом появились Татьяна и Ольга. Как же они пели! Оркестр не заглушал их: было слышно каждое слово... Затем пели и плясали крестьяне: они



Е. Гельцер в партии Тао-Хоа (балет «Красный мак» Р. М. Глиэра).



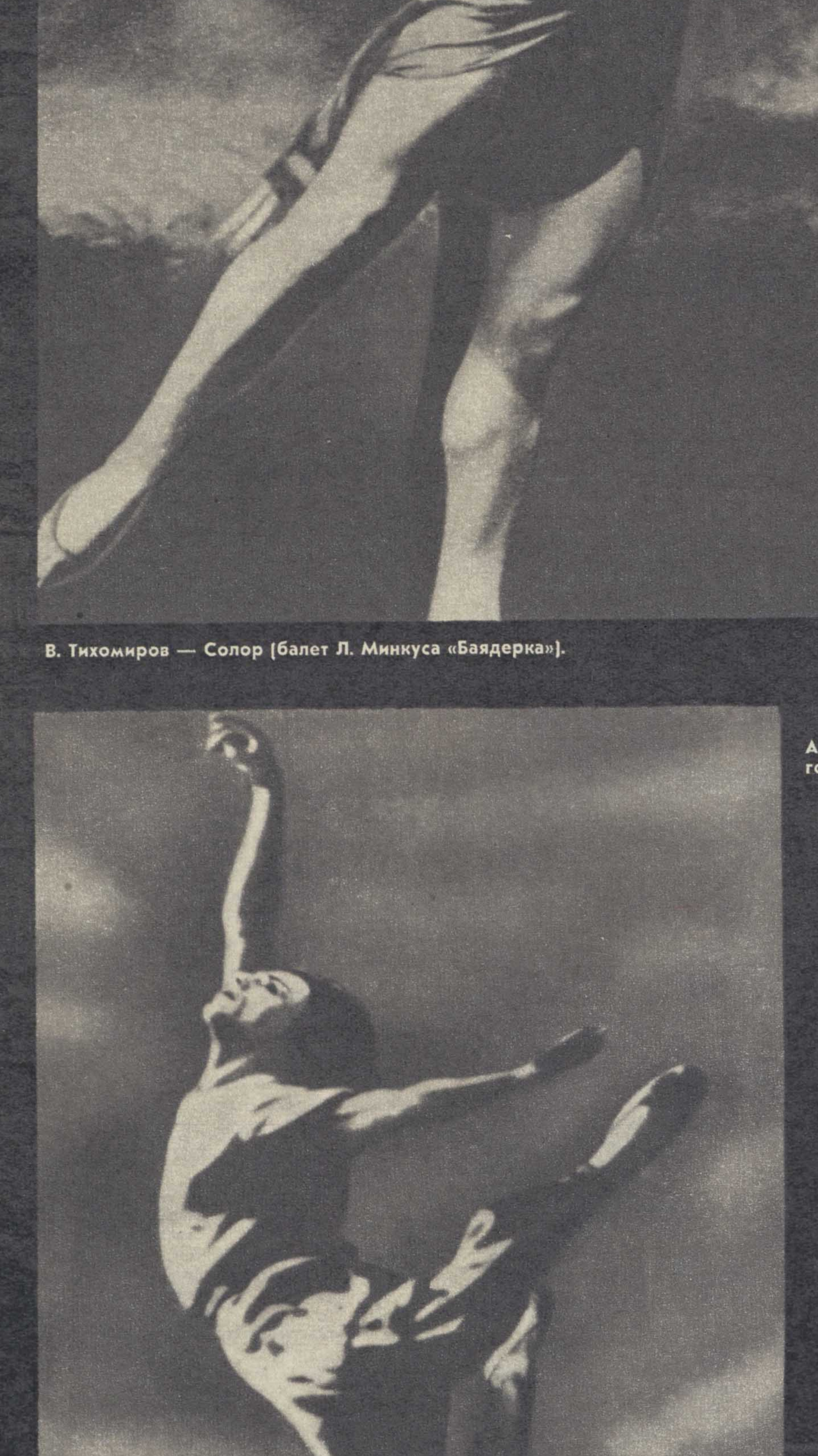
Дирижер Н. Голованов.



В. Тихомиров — Солор (балет Л. Минкуса «Баядерка»).



В партии Никии М. Семенова («Баядерка»).





А. Ермолаев в балете Р. Дриго «Талисман».



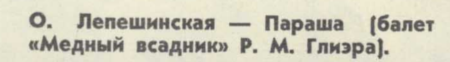
Н. Обухова — Любаша в «Царской невесте» Н. А. Римского-Корсакова.



С. Лемешев в роли Ленского в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин».



Г. Уланова в балете «Шопениана».



О. Лепешинская — Параша (балет «Медный всадник» Р. М. Глиэра).



Юродивый — И. Козловский. Опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов».



НА НАШИХ ВКЛАДКАХ:

Квадрига Аполлона.

А. Огнивцев — Иван Грозный в опере Н. А. Римского-Корсакова «Псковитянка».

Главные партии в балете П. И. Чайковского «Щелкунчик» исполняют Е. Максимова и В. Васильев.

И. Архипова в роли Азучены в опере Д. Верди «Трубадур».

А. Масленников — Юродивый в «Борисе Годунове».

Опера К. В. Молчанова «Неизвестный солдат». А. Ведерников — Командир.

Т. Синявская поет партию Любаши в опере Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста».

Е. Нестеренко в роли Кончака (опера А. П. Бородина «Князь Игорь»).

Опера П. И. Чайковского «Евгений Онегин». Т. Милашкина — Татьяна, Ю. Мазурок — Онегин.

В. Атлантов — Водемон (опера П. И. Чайковского «Иоланта»).

Е. Образцова — Кармен.

НА РАЗВОРОТЕ:

Зрительный зал Большого театра.

Заглавную партию в балете А. И. Хачатуряна «Спартак» танцует М. Лавровский.

Л. Семеняка — Жизель.

Балет С. С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». Н. Бессмертнова в роли Джульетты.

М. Плисецкая — Одетта в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

Н. Павлова и В. Гордеев — исполнители главных партий в балете А. Адана «Жизель».

Р. Стручкова — Китри в балете Л. Минкуса «Дон Кихот».

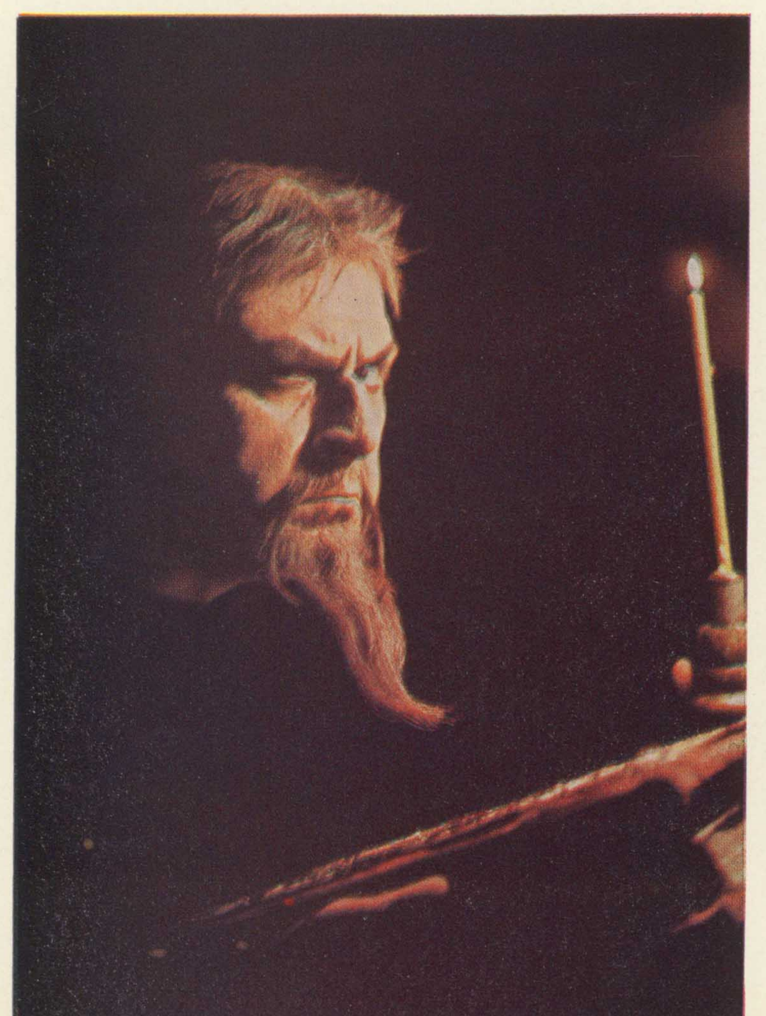
Б. Руденко в роли Виолетты (опера Д. Верди «Травиата»).

Н. Тимофеева — Беатриче и Ю. Владимиров — Бенедикт в балете Т.Н.Хренникова «Любовью за любовь».

Сцена из оперы К. В. Молчанова «Зори здесь тихие».

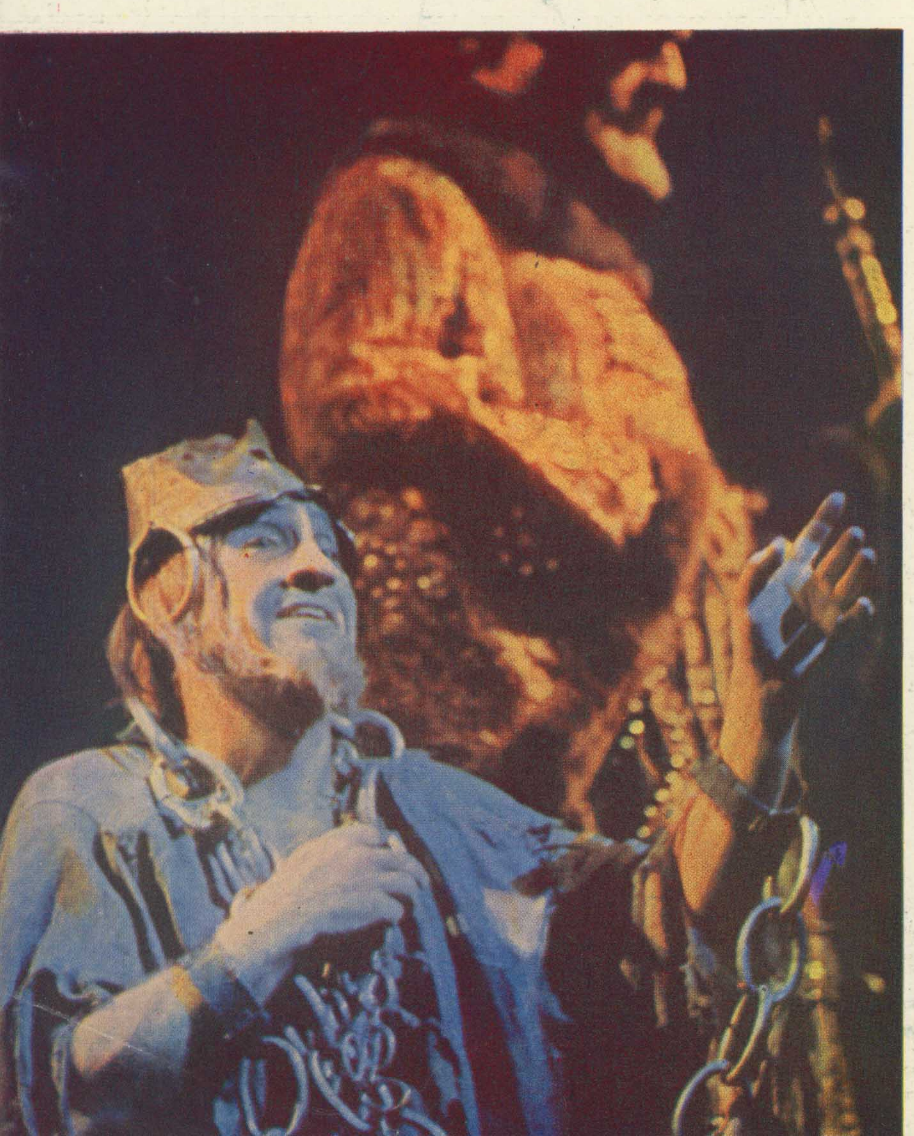
А. Годунов — Принц в балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро».

Фото А. Макарова, А. Невежина, Н. Рахманова (из готовящегося в издательстве «Планета» альбома «Большой театр Союза ССР») и Е. Умнова.



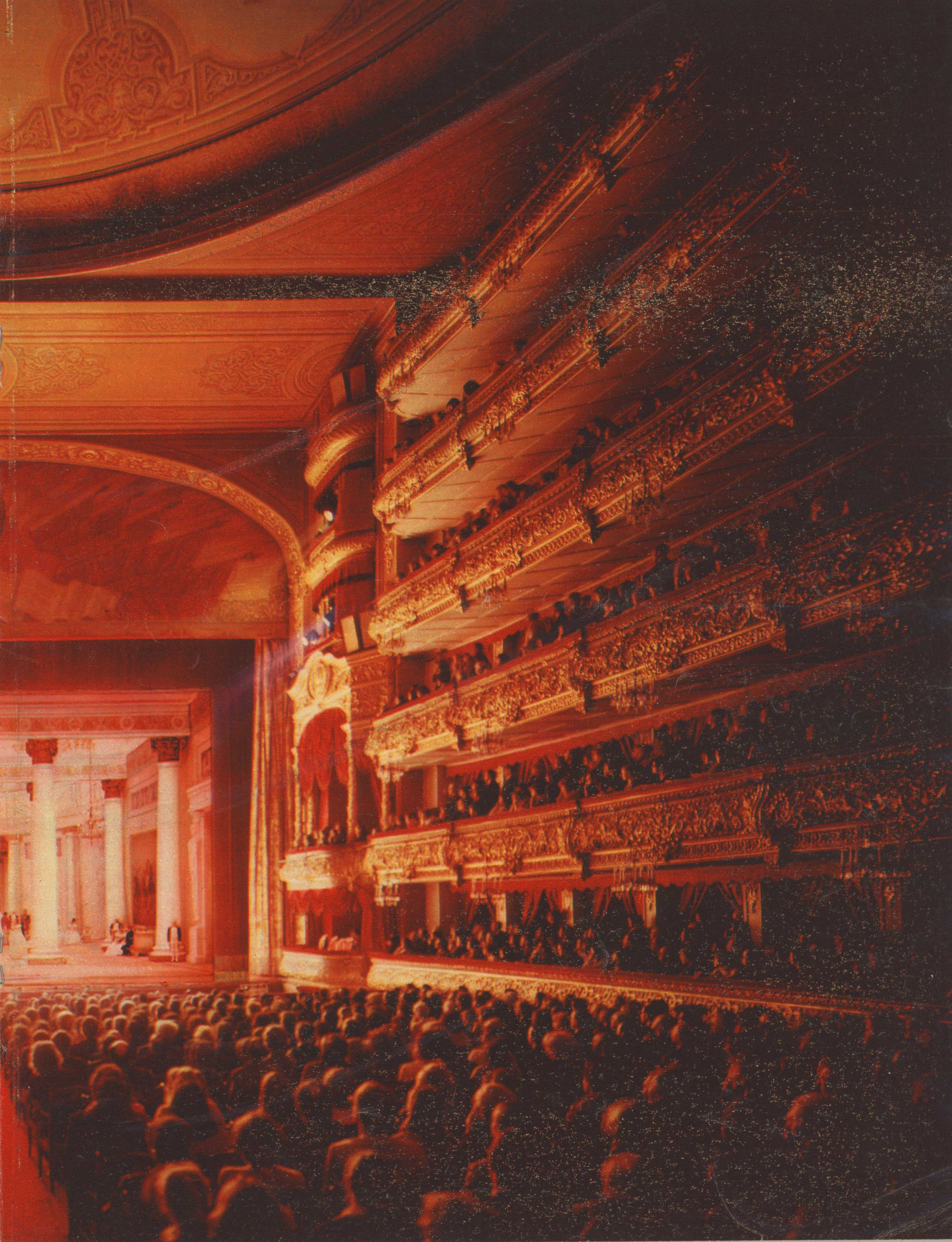


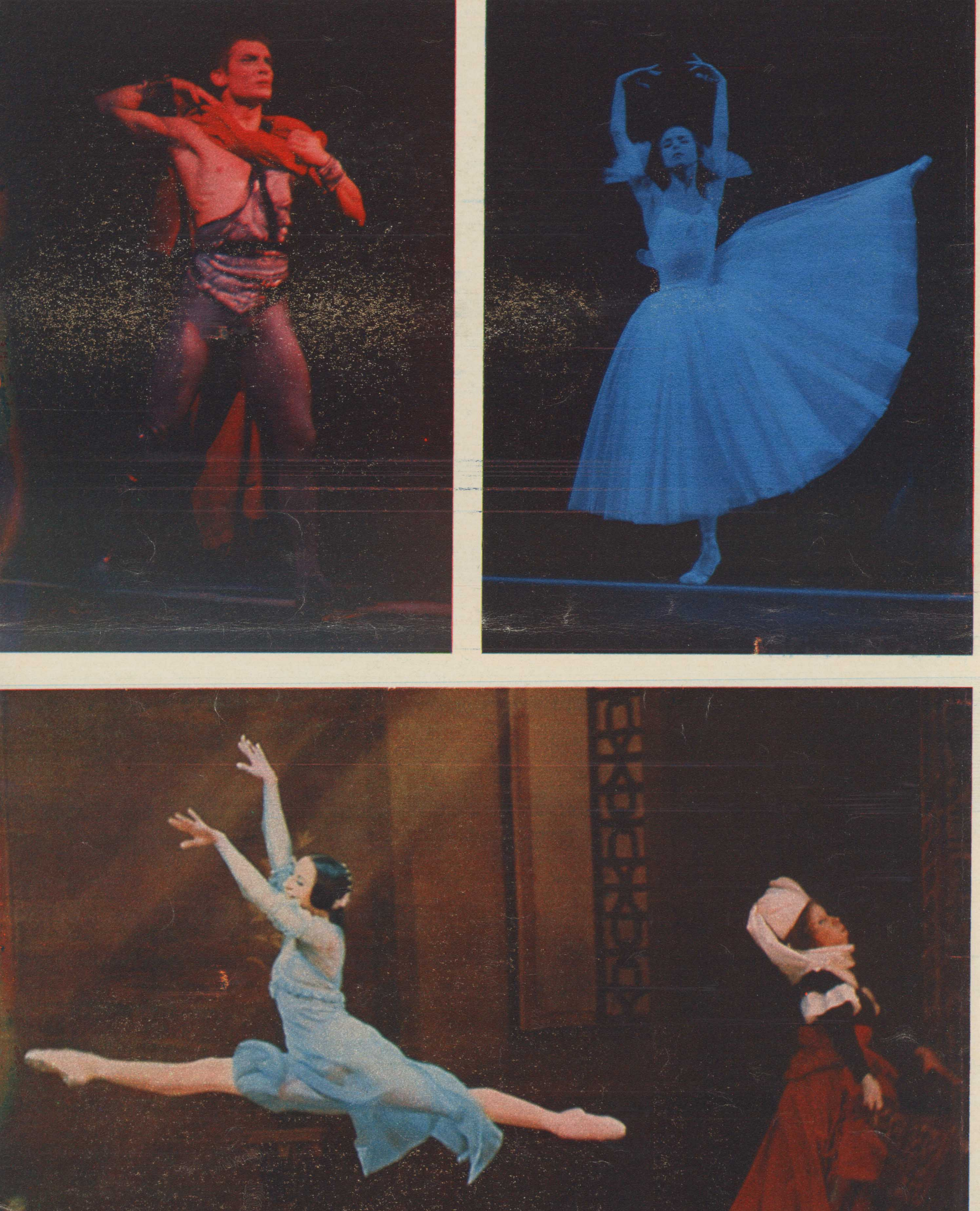






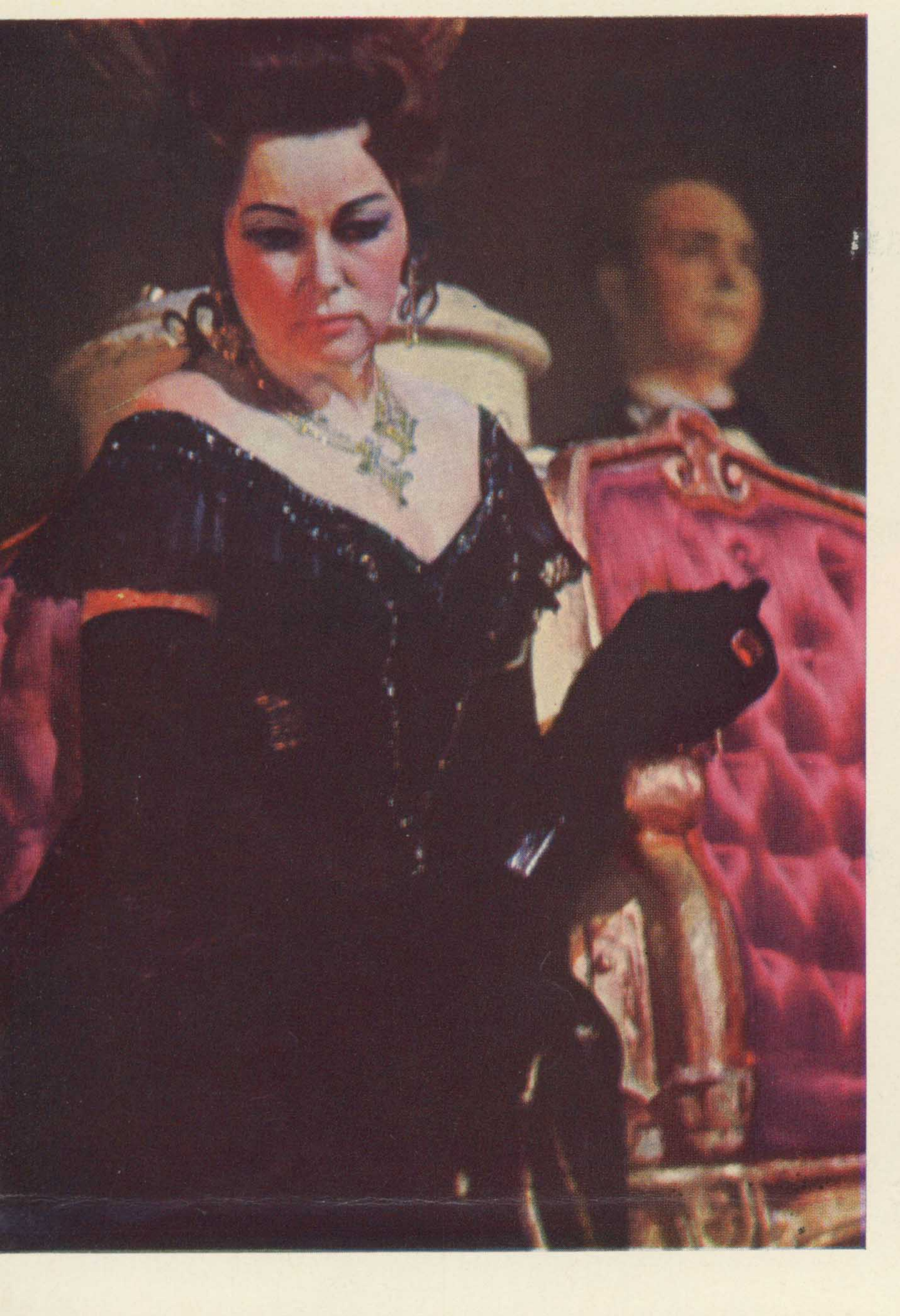




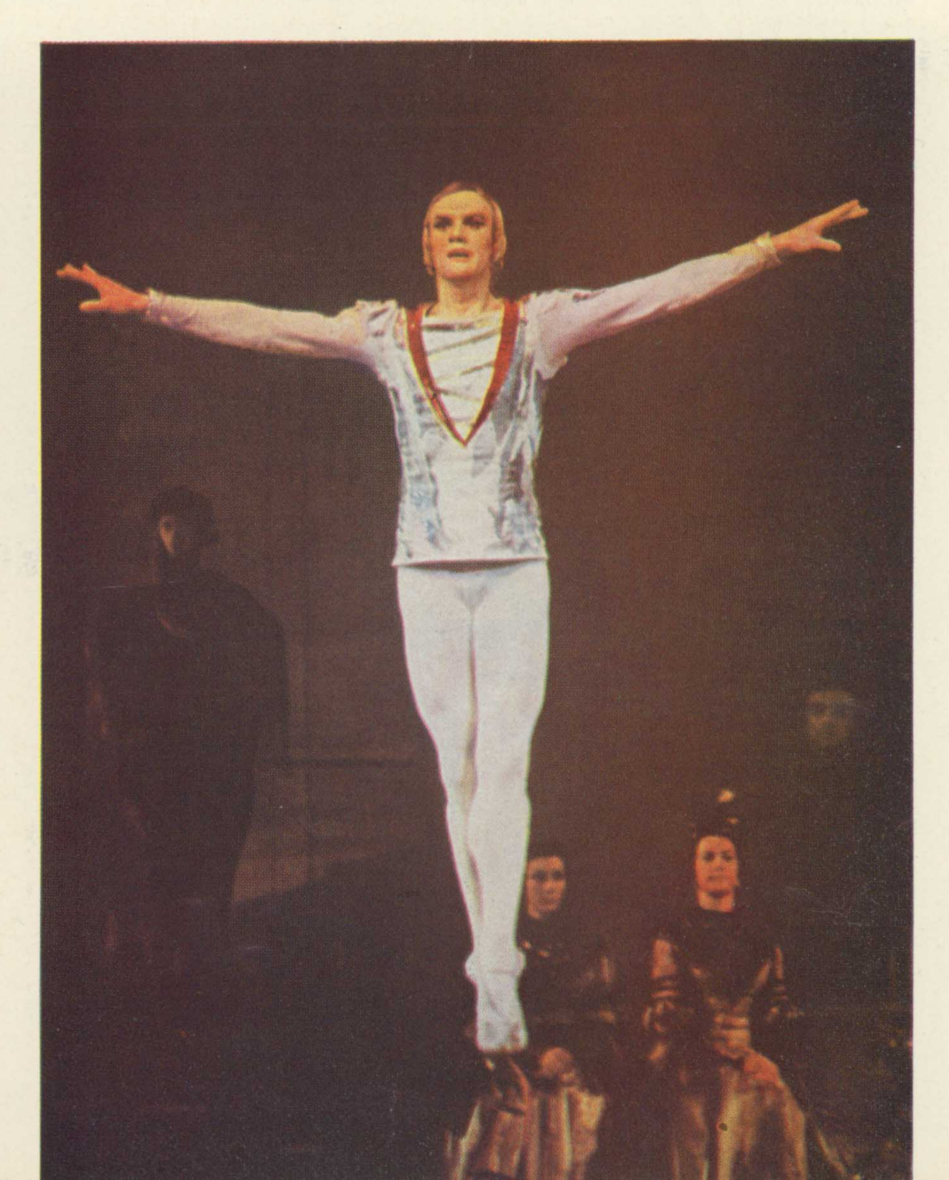












с жатвой покончили. Это так напомнило мне деревенскую мою жизнь, только на сцене все было очень красиво... Публика внимательно слушала. В зале тишина. Но вот раздался гром аплодисментов: появились Онегин и Ленский — Мигай и Собинов! С тех пор прошло пятьдесят лет, а я как сейчас их вижу и слышу: это осталось в памяти и в душе на всю жизнь.

Оперный репертуар Большого театра в последующие мои, консерваторские пять лет не был легким для неподготовленных слушателей. Шли оперы М. И. Глинки, Н. А. Римского-Корсакова, П. И. Чайковского, Р. Вагнера, Дж. Пуччини, Д. Верди... Тем не менее популярность Большого театра стремительно росла. Уже в те годы он приобрел поистине всенародную любовь.

Особенно почувствовал я это, став в 1931 году солистом Большого театра. Надо сказать, что войти в обожаемый тобою театр не с парадного, а со служебного входа — большое испытание, но я совершенно искренне говорю, что никакого разочарования, «развенчивания кумиров» для меня не произошло. А то, что могло бы смутить новичка: самые высокие требования художественного руководства, строгая творческая дисциплина,— все это лишь удесятерило мое желание быть достойным звания артиста. Тем более что в труппе царила атмосфера уважения к театру, дух высокого поклонения искусству. И, самое главное, чувство колоссальной ответственности перед зрителем.

А его восприятие, понимание большого искусства углублялось просто на глазах. Рабфаковцы, студенты, рабочие уже как-то по-другому слушали, по-другому реагировали на все происходящее на сцене. То, что вчера удивляло и трогало, сегодня заставляло сопереживать, а это самая большая награда артисту. Да, собственно, не только артисту, а всему организму театра. Ради этого самозабвенно руководили кипучей деятельностью лучшей оперы в стране выдающиеся музыканты-дирижеры: В. И. Сук, Н. С. Голованов, А. Ш. Мелик-Пашаев, А. М. Пазовский, С. А. Самосуд, а позднее Б. Э. Хайкин, Е. Ф. Светланов... Ради этого работали в театре прекрасные хормейстеры, режиссеры, художники: У. И. Авранек, М. Г. Шорин, Л. В. Баратов, В. А. Лосский, Ф. Ф. Федоровский, П. В. Вильямс. Их дело продолжили А. В. Рыбнов, Б. А. Покровский, В. Ф. Рындин... Да разве всех перечислишь? Разве расскажешь коротко о блистательной плеяде мастеров вокала, с которыми свела меня судьба на сцене Большого театра? Н. А. Обухова, В. А. Давыдова, М. П. Максакова, В. В. Барсова, Е. А. Степанова, И. С. Козловский, М. Д. Михайлов, А. С. Пирогов, Л. Ф. Савранский, М. О. Рейзен — какие же яркие образы, какие дивные голоса стоят за этими именами.

Именно в те годы Большой театр поднял классическую оперу до уровня совершенства. «Иван Сусанин», «Борис Годунов», «Хованщина», «Князь Игорь» зазвучали в полную силу. Проникновенная человечность возродилась в бессмертных творениях П. И. Чайковского и А. С. Пушкина — «Пиковой даме» и «Евгении Онегине». Я знаю, они будут жить вечно. Будут любимы все новыми и новыми поколениями слушателей.

На сцене филиала Большого театра в те годы вновь засверкали жемчужины лирической оперы: «Ромео и Джульетта» и «Фауст» Ш. Гуно, «Риголетто» и «Травиата» Д. Верди, «Тоска» и «Богема» Дж. Пуччини, «Сорочинская ярмарка» М. П. Мусоргского, «Мазепа» П. И. Чайковского...

Я певец, и поэтому мысли мои обращены в первую очередь к опере. Но не надо даже быть артистом Большого театра, чтобы знать, до каких поистине фантастических высот поднялось здесь именно в советское время искусство балета. Прославленная на весь мир уже в начале века Екатерина Васильевна Гельцер — настоящая московская балерина и по темпераменту, и по технике, и по актерской манере — принесла эстафету славы русского балета в советский Большой театр. А рядом с ней стояли А. А. Горский, В. Д. Тихомиров, В. В. Кригер... Бережно и чутко передавали они молодым шедевры балетной классики. Но, как бы ни были прекрасны образы романтического балета, новое время требовало нового сценического воплощения. И на сцену один за другим пришли балеты Б. В. Асафьева, С. С. Прокофьева, Р. М. Глиэра, поставленные молодыми талантливыми новаторами-балетмейстерами В. И. Вайноненом, Р. В. Захаровым, Л. М. Лавровским... Какой простор дали артистам балета «Красный мак», «Бахчисарайский фонтан», «Пламя Парижа», «Золушка», «Медный всадник», «Ромео и Джульетта»... Как полно выразили в них свой талант — танцевальный и драматический — выдающиеся балерины и танцовщики: М. Т. Семенова, Г. С. Уланова, О. В. Лепешинская, М. М. Плисецкая, Р. С. Стручкова, А. М. Мессерер, А. Н. Ермолаев. Как ярко раскрылось дарование прекрасного дирижера Ю. Ф. Файера. Это был качественно новый балет, наделенный глубочайшим смыслом, поэтическим чувством, большими философскими обобщениями, красотой гуманизма. А сегодня, наблюдая, как наш балет делает новый шаг вперед в «Спартаке», «Легенде о любви», поставленных Ю. Григоровичем, мы радуемся новым именам, таланту прекрасных молодых исполнителей: Е. Максимовой, Н. Бессмертновой, Л. Семеняки, В. Васильева, М. Лавровского, А. Годунова.

Разумеется, современный советский репертуар пришел и в оперу: «Тихий Дон» И. И. Дзержинского, «Семен Котко» С. С. Прокофьева, «Никита Вершинин» Д. Б. Кабалевского, «Мать» Т. Н. Хренникова, «Зори здесь тихие» К. В. Молчанова находят могучий отклик в душе зрителя. Традиции масштабного исторического полотна продолжил театр в постановке «Декабристов» Ю. А. Шапорина и «Войны и мира» С. С. Прокофьева... Большого внимания достоин и прокофьевский «Игрок». В этой постановке главная заслуга принадлежит неистощимой фантазии и большому мастерству нынешнего главного режиссера театра Б. А. Покровского и исполнителю главной партии Алексею Масленникову.

Больше двадцати опер советских композиторов поставлено на сцене Большого театра; в них поют замечательные артисты: И. Архипова, Л. Авдеева, Т. Милашкина, Е. Образцова, В. Атлантов, Е. Нестеренко, А. Огнивцев, А. Ведерников, А. Эйзен, А. Масленников.

И все же не так уж часто видим мы на сцене героев сегодняшнего дня нашей Родины.

Может быть, не стоит говорить об этом в юбилейной статье? Я думаю — стоит... Ведь два века славы — это не конец пути! Напротив, два столетия славы требуют не останавливаться, не успокаиваться, они-то свое дело сделали: оставили нам бесценные сокровища! Наше время обязано не только их сохранить, но умножить, продолжить.

В чем же главная сила классических и лучших советских опер? На мой взгляд, в том, что в любых ситуациях герои их поют... Чем станет «Борис Годунов» без монологов главного героя; «Князь Игорь» — без знаменитой арии Игоря «Ни сна, ни отдыха», без арии Кончака, песни Галицкого, плача Ярославны?.. Я намеренно обращаюсь к операм с историческим, а не лирическим содержанием. Да, волнующую, красивую мелодию,— эту «душу музыки», по меткому определению С. В. Рахманинова,— написать непросто. Но без нее опера не может существовать! Поэтому самые яркие страницы советской оперы и балета связаны именно с мелодически полнокровными произведениями. Они еще и еще нужны нашей сцене!

Герои-современники должны звать зрителя в Большой театр, чтобы поведать ему самое важное, самое прекрасное и задушевное о нашей сегодняшней жизни. Чтобы в музыке раскрыть ему лучшее в нем самом!

Ради этого и стоит на нашей земле Большой театр. Ради этого несет он свою миссию просветителя, несет красоту и правду искусства. Славных ему побед!

УСПЕХ В ЯПОНИИ

Первая премия Всеяпонского фестиваля искусств 1975 года — «Золотой диск» — присуждена альбому грампластинок с записью оперы М. П. Мусоргского «Хованщина», выпущенному крупнейшей японской фирмой «Виктор». Исполнители — хор и оркестр ГАБТа СССР.

— Это награждение,— сказал глава фирмы Т. Ягисава,— доставляет нам особую радость в канун двухсотлетия Большого театра. Мы выпускаем и продаем в Японии около 200 наименований грамзаписей советской и русской музыки. Пластинки с записями солистов Большого театра пользуются заслуженной популярностью.

В. ДОМРАЧЕВ (АПН)

Токио.



Глава фирмы «Виктор» Т. Ягисава с «Золотым диском».
Фото автора.

ПОЧТА «ОГОНЬКА»

БОЛЬШОЙ ТЕАТР — УНИВЕРСИТЕТУ КУЛЬТУРЫ

У многих этот день остался в памяти. В ярко освещенном зале клуба «Спутник», как говорится, яблоку негде было упасть. Те, кому не хватило места в креслах, теснились в проходах, в фойе. К слушателям университета культуры города Балашихи приехали именитые гости — артисты прославленного Большого театра Союза ССР. Перед балашихинцами выступили главный режиссер театра профессор Б. А. Покровский, главный балетмейстер профессор Л. М. Лавровский. Затем состоялся концерт ведущих артистов оперы и балета.

Первая встреча длилась больше четырех часов. Она не была единственной, она стала началом многолетней творческой дружбы коллектива театра и народного университета культуры.

Слушатели университета бывали на генеральных репетициях новых постановок театра.

Режиссеры, артисты, художники проводили интересные занятия, посвященные жизни и творчеству Глинки, Мусоргского, советскому балету.

Лучших своих певцов и танцоров посылали к балашихинцам знаменитые шефы.

«Искусство принадлежит народу» — это не слова. Для нас, слушателей балашихинского университета культуры, это сто двадцать ведущих артистов Большого театра на нашей небольшой сцене, это забота о наших детях, которые приняты в московское балетное училище и в класс вокала, это бесконечные творческие консультации, помощь с костюмами, декорациями и т. п.

В юбилейные дни нам хочется поздравить коллектив Большого театра, поблагодарить за помощь и пожелать больших творческих успехов.

Н. МОКИЕНКО

Балашиха

ЖИВОПИСЬ ТАНЦА

В. ВАРЖАПЕТЯН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

На гигантском дощатом полу во всю его длину и ширину расстелена сетка, словно рыбаки на берегу чинят невод. Это готовятся декорации к балету А. Эшпая «Ангара».

Помещение производственных мастерских Большого театра громадно, наполнено светом. На многометровой высоте, под потолком, прилепилась ласточкиным гнездом комната художника С. Б. Вирсаладзе. Его еще нет. Но он во всем, что здесь вместилось: стол с листами эскизов, кистями и красками, стул с сиденьем, забрызганным белилами, неубранная раскладушка, рулоны ватмана в углу...

Наконец художник входит. Сказать, что он мне рад, значит покривить душой: он раздражен и вовсе не старается быть учтивым. Очень много работы. Тьма неотложных дел. Его эскизов ждут художники, декораторы, бутафоры, плотники, столяры, драпировщики, аппликаторы, постижеры (они делают парики), портные, сапожники... В мастерских работают люди более чем девяноста профессий. Их труд овеществляет самые дерзкие замыслы художников... Нужно наводнение — оно получится таким, что зрители прижмутся к спинкам кресел. Снег? Повалит хлопьями! Трон Ивана Грозного — пожалуйста... Море, небо, березовая роща, сказочный дворец — все подвластно их умению.

Вирсаладзе спешит. Все, что не имеет отношения к работе, кажется ему праздным; впрочем, он, едва войдя, продолжает работать. Позванивает кисть в стакане,трогает то краски, то бумагу, и вот уже готов набросок плечистого парня в комбинезоне. Конечно, это не изысканный наряд Принца, но законы сцены предъявляют и к спецовке и к королевской мантии одно требование — помочь артисту раскрыть характер персонажа.

В. И. Немирович-Данченко остерегал художников театра: «Не рисуйте просто костюм, а изображайте костюм в соответствии с представляемым вами характером данного действующего лица. Нужно помнить, что каждый мельчайший штрих художника может помочь актеру и повести его по пути верного создания художественного образа». Балет ужесточает требования к сценическому костюму. Ведь в нем не просто движутся — танцуют!

Народный художник РСФСР, народный художник Грузинской ССР, лауреат Ленинской премии, действительный член Академии художеств СССР — судьба благоволила ему. Уже в 1931 году двадцатидвухлетнего Вирсаладзе пригласил Котэ Марджанишвили главным художником Театра оперы и балета имени З. Палиашвили. После войны он главный художник прославленного Кировского театра. В разные годы ему довелось работать с выдающимися режиссерами и балетмейстерами — В. Лосским, Ф. Лопуховым, Э. Капланом, А. Мессерером, В. Чабукиани, В. Вайноненом, Ю. Григоровичем.

«Когда возникла идея постановки в театре «Каменного цветка» на музыку С. Прокофьева,— вспоминает Ю. Григорович,— я стал одним из претендентов на роль хореографа в этом спектакле. Сложность ситуации заключалась в том, что здесь я был не одинок. «Каменный цветок» хотел ставить и К. Сергеев — фигура достаточно маститая в балетном театре того времени. И тогда художественный руководитель балета Федор Васильевич Лопухов решил, что каждый из нас должен представить свою сценарную разработку будущего балета... В конце концов «поле битвы» осталось за мной. Художник прокофьевского балета планировался заранее — в любом случае им должен быть Вирсаладзе».

А почему в любом случае? Только потому, что он был главным художником театра?.. Наверное, не только. К тому времени — год 1957-й — Вирсаладзе прочно утвердил себя как выдающийся сценограф, как признанный мастер сказочно-поэтических и легендарно-романтических спектаклей. Своим ярким, оригинальным творчеством он развивал новые эстетические ценности в искусстве, утверждал их и музыкальностью живописи, и поразительной изысканностью колорита, и новым отношением к сценическому костюму.

...Кисть все позванивает в стакане. Почти час сижу я в этой комнате, а мой блокнот по-прежнему чист. Наверное, почувствовав мое отчаяние, Вирсаладзе вдруг нетерпеливо кладет подбородок на сцепленные пальцы. Луч солнца, как софитом, высветил сосредоточенный профиль.

— Симон Багратович, считают, что наиболее тесная творческая дружба связывает вас с тремя режиссерами — Вахтангом Чабукиани, Эммануилом Капланом, Юрием Григоровичем.

— Правильно!

— Есть что-нибудь общее в их методе, в мышлении?

— Знаете, я никогда не думал об этом. Что касается Чабукиани и Григоровича, то даже мысли такой не возникало — об аналогии. А если говорить о Каплане, режиссере действительно интересном и, по-моему, совершенно несправедливо забытом, то в его методе и методе Григоровича, пожалуй, что-то общее есть. Их творческому мышлению присуще новаторство.

С Чабукиани я работал много. «Лауренсия», «Дон Кихот», «Шопениана», «Отелло»— все это было интересно и даже значительно для своего времени. Но сейчас мне трудно представить, что я мог работать с кем-то, кроме Григоровича. Помню, Касьян Голейзовский предложил мне делать с ним балет «Лейли и Меджнун», но я отказался, хотя очень уважаю и ценю его как хореографа. Почему отказался? Потому, что уже работал с Григоровичем над «Спартаком».

Голейзовский так и не поставил этот балет. Он не мог и не хотел его видеть в другом оформлении.

«В хореографической семье трудно найти человека, который не мечтал бы, чтобы художник С. Вирсаладзе обратил на него свое



С. Б. Вирсаладзе.

творческое внимание,— писал К. Голейзовский.— Об этом мечтают все, начиная от самого юного артиста до самого маститого постановщика...»

— Большой театр,— продолжает Вирсаладзе,— располагает не только первоклассной труппой, но и замечательными художниками, декораторами, бутафорами. Не знаю, как для других, а для меня эскиз не завершение, а лишь начало работы над спектаклем. Хотя я считаю, что уже в эскизе заложено все.

Вирсаладзе всегда лично руководит созданием декораций и костюмов. Он добивается подбора необходимых материалов, фактуры, цвета. Вникает в каждую мелочь, считая, что мелочей нет. Художники, костюмеры, светотехники, рабочие «стонут» от придирчивых требований Вирсаладзе; на монтировочных и световых репетициях он требователен до деспотизма, зато уверен: все, что задумано в эскизе, будет воплощено на сцене.

Вспомните занавес к «Спартаку». Кажется, видишь глухую стену, сложенную рабами из громадных блоков, выщербленных временем. В грязно-серой их замшелости высечены латинские буквы. Стена кажется вечной, нерушимо ограждающей Рим от любого врага. Когда на стену падает луч света, на камне словно проступают пятна крови.

Луч света был выписан уже в эскизе, эффект точно выверен и предрешен художником. Но сколько труда стоило воплотить его в материале, красках, свете! А замечательные костюмы к «Спартаку»!.. Они не только прекрасны; каждый из них сам по себе произведение искусства.

— Для меня самыми интересными, наверное, были поиски облика Марка Красса в балете «Спартак»,— рассказывает Марис Лиепа.— Я сам, начав работать над этой партией, просмотрел множество книг, и то, что предложил мне Вирсаладзе, абсолютно точно совпадало с моим ощущением стиля эпохи, общего решения образа. От эскиза к сценическому варианту костюм проделал большой путь, и всякий раз он менялся по общему согласию исполнителя и художника. Этот костюм существует для танца. Я чувствую, как он помогает танцу, живет в танце вместе со мной.

Наверное, с М. Лиепой согласятся все артисты, работавшие с Вирсаладзе; своей способностью «одеть танец» он обратил на себя внимание давно.

Уже первая совместная с Григоровичем работа — «Каменный цветок»— стала выдающимся событием. «Симфонически-танцевальная полифония»— эта основа основ хореографии Григоровича — нашла яркое, гармоничное воплощение в «живописном симфонизме» Вирсаладзе: ведь именно он так настойчиво соединяет живопись с танцем, стремясь выразить средствами живописи идею, заложенную в драматургии танца.

Вот уже двадцать лет они работают вместе. Создано очень много: поставлены все три балета П. Чайковского — «Спящая красавица», «Щелкунчик» и «Лебединое озеро»; «Легенда о любви» А. Меликова, «Спартак» А. Хачатуряна, «Иван Грозный» (на музыку С. Прокофьева), «Ангара» А. Эшпая. Таковы результаты их сотворчества.

Симон Вирсаладзе родился в Тбилиси в 1909 году. Учился в школе, занимался рисованием, посещал хореографическую студию. Наверное, ранняя любовь к живописи и танцу и определила дальнейшее развитие его таланта.

А что еще от детства, от родины он нес в себе? Строгую красоту древних храмов, журчание Куры, многоголосие грузинской песни, поэзию Руставели, краски Пиросмани...

— Пиросмани?...— Кисть повисает над эскизом. Неулыбчивые глаза художника глядят в упор.— Да, я очень его люблю. Вот вы спрашиваете, как я работаю, что считаю главным, как отношусь к тому-то и тому-то. А я действительно не знаю, что ответить: я ничего не открываю. Просто работаю. Это и доставляет мне самую большую радость...

Выйдя от Вирсаладзе, я остановился на деревянном мостике: он высоко висел над полом, устланным все той же сетью, на которой что-то примеряли, пришивали... Может, мастерили реку...

Что это будет, мы узнаем, придя в Большой театр — на премьеру.

СТРАНИЧКИ ИЗ АРХИВА ГАБТа

«...Огромное сие здание, сооруженное для народного удовольствия и увеселения, которое вышиною в 8, длиною в 32, а шириною в 20 саж., умещающее в себе 110 лож, не считая галерей, по мнению лучших архитекторов и одобрению знатоков театра, построено и к совершенному окончанию приведено с толикою прочностью и выгодностью, что оными превосходит оно почти все знатные европейские театры. Что ж до желаемой безопасности публичного сего дома касается, то в рассуждении оной, кажется, взяты всевозможные меры и ничего не опущено, что могло бы служить к совершенному доставлению оной. Почтенная публика, которая удостоит сегодняшнее открытие помянутого театра, сама в том удостовериться может, когда она увидит двенадцать разных дверей для подъезду, три каменные лестницы, ведущие в партер и ложи, и сверх того еще две лестницы деревянные».

«Московские ведомости», 30 декабря 1780 г.

«От оперного дома объявление. Желающие вступить в должность актеров и актрис при здешнем театре с жалованьем от 200 до 600 руб., смотря по дарованиям и способности приемлемых, могут явиться в контору оного театру, состоящую на Знаменке, где, как о кондициях, так и о прочем, до сего дела касающемся, уведомлены они будут».

«Московские ведомости», 25 июля 1780 г.

Из «Узаконения Комитета для принадлежащих к придворному театру» (1784 год):

«Кто же не явится в назначенный час, тот за каждые полчаса небытия при пробе заплатить должен два рубля штрафу, а кто и вовсе не будет или кто учинит какой-нибудь беспорядок, тот лишится в первый раз жалованья за неделю, в другой раз — за месяц, а в третий будет судим, яко нарушитель своих обязательств и штрафован по рассмотрению дела».

«В 1829 году на Большом Московском театре давалась волшебная опера «Князь-невидимка» в 4 действиях, с хорами, балетами, группами, сражениями, декорациями, машинами и великолепным спектаклем. Музыка — г. Кавоса. Балеты — г. Глушковского. Сражения — г. Малышева. Машины устроены машинистом г. Шрейдером, как-то: полеты, стол, превращающийся в огненную реку; дуб, разделяющийся на две части, из коего вылетает Полель на облаке; мост, по которому проходят черные рыцари через всю сцену и который потом разрушается; слон, механически устроенный, натуральной величины, на коем Личардо превращается в различные виды; вырастающая рука Цымбалды; гора, превращающаяся в море; куст, из которого делается грот; храм, занимающий всю ширину сцены и спускающийся на облаках с многочисленною группою гениев и амуров, позади коего видна прозрачная радуга».

«Московские ведомости», 9 января 1829 г.

Из афиши оперы-балета «Сцепион»:

Психе . . . . Фузано
Венера . . . . Аксинья
Купидо . . . . Лебрен
Гимен . . . . Авдотья
Аполло . . . . Афанасий
Пан . . . . Джузеппе Фабиани
Грации . . . . Мадам Коломба
Наталья и Аграфена

«От коллектива женской костюмерной мастерской Государственного Большого театра
В Совет Московского Большого Государственного театра.

Общим собранием женской костюмерной мастерской имеем честь довести до сведения Совета Большого Государственного театра. Ввиду отсутствия всякого продовольствия и ужасной дороговизны хлеба, усиленная работа будет чрезвычайно не по силам, так как хлеба нет, топлива в мастерской недостаточно, трамваи не ходят, повторяем, при отсутствии всего этого работать очень тяжело. Но, вместе с тем, сознаем, что работать необходимо...

Марта 13—1919 г.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧН

Добравшись до лесозаготовительного участка, Савчук в сопровождении долговязого, изъеденного комарами бригадира лесорубов по фамилии Мазаев обошел все делянки, осмотрел груды сваленных, очищенных от сучьев деревьев, штабеля напиленных досок, глянул в тетрадку Мазаева, где велся учет лесозаготовок. И спросил:

— Обед во сколько?

— С двух часов у нас. По участкам обедают. Сперва лесоповальщики, потом обрубщики сучьев, возчики, пильщики. Сразу для всех места за столами не хватает.

— Сегодня всех к двум часам собери. Посоветуемся.

В два часа на вытоптанной до черноты поляне, где стояли врытые в землю грубые, плохо оструганные столы, собрались все лесозаготовители. Заросшие волосом, давно не стриженные, в старых, пущенных на износ рубахах да пиджаках. На поляне было тесно, кто стоял у столов, кто сидел на земле. Слышался говор и смех, плыл в синее и горячее небо табачный дым, мешался с влажным воздухом. Все ждали, что скажет им парторг, с чем он приехал.

Говор и смешки затихли, едва Савчук вышел с Мазаевым из палатки, служившей конторой лесозаготовителей.

— Ну как, лихо тут? — спросил Савчук, поздоровавшись с людьми.

— Зачем? Куро-орт...

— Воздуха много.

— Кина нету вот... Да девок бы на разживу хоть.

— Или Алеху сместить, язву... Свекровь она, что ли, им?

Вспыхнул опять смешок, не злой, добродушный. Повариха Евдокия Алексеевна, полная, сварливая, но в душе добрая женщина, которую все звали Алехой, строго следила за своими четырьмя молоденькими подсобницами, медсестрой и продавщицей ларька, каждый вечер загоняя их в отведенный им семерым дощатый балаган, сколоченный из горбылей и обрезков. А больше женщин здесь не было. Нынче весной взамен заболевшей продавщицы ларька, в котором люди могли купить мыло, табак и всякую прочую мелочь, была назначена Вера Инютина. Она намеревалась было в этом же ларьке, сколоченном из досок, оборудовать себе и жилье, но Алеха, явившись, молча забрала ее тряпье, строго зыкнула: «Еще чего! Тут одно мужичье, не соображаешь, дура?»

Смешок вспыхнул и тут же загас, придавленный голосом Алехи:

— Это кто там про меня высказывается? Захар, што ли? Тебе-то какое горе? Ты ж каждый вечер в Облесье за пятнадцать верст бегаешь.

— Он скороход, что ему?

— Марафонец!

— А там марафонки живут. Их не сторожат, — сказал Захар, крепкий в плечах, невысокий парень.

— От тебя усторожишь! — Повариха, обтерев потное и красное лицо фартуком, подошла к улыбающемуся Савчуку. — Убери ты его отсюда, всех баламутит. И этих, Мишку с Генкой, сомустил. А они вон каких делов натворили, милиция понаехала теперь...

«Понаехавшая» милиция в лице Аникея Елизарова была тут же. Елизаров за два года работы в милиции сильно раздобрел. Сейчас он, покуривая, сидел на врытой скамейке спиной к столу, возле него стояла Вера Инютина, что-то ему обиженно говорила, а тот слушал, облокотившись о свои колени и опустив крупный нос к земле. Инютина была в белом с пестринами платочке, в светлом платье и отчетливо выделялась в толпе.

Все еще посмеиваясь, Савчук сказал:

— Ладно, Евдокия Алексеевна, во всем разберемся. Да и вообще, не долго тут будем все теперь... Товарищи дорогие! Времени у нас нету много собранничать. Положение в двух словах такое... Лесу заготовлено порядочно, досок напилено тоже порядком. Но недостаточно все же... Поэтому директор завода отдал распоряжение — заготовку бревен прекратить, все силы бросить на распиловку. Я вот даже еще пильщиков привез. Но, подсчитав все на месте и обсудив обстановку, думаю, надо в этот план кое-какие изменения внести... Вот Филат Филатыч говорит, что сплавная вода будет нынче только с неделю держаться после Ильина дня и спадет... Так?

— Так. Оно по всем приметам так, мужики, — уверенно сказал Филат Филатыч.— Я тут всю жизнь прожил. Гаранту даю полную, вот увидите...

— Если так, — прохлаждаться нам некогда, товарищи. Упустим эту неделю — зимовать опять народ в землянках будет. Потому что никаким иным способом древесину отсюда не вывезти.

Прошел по толпе говорок. Многие из работающих сейчас здесь уже две зимы пережили в землянках, и зимовать еще одну было в таком жилье невмоготу.

— Поэтому принимается такое решение... Распиловку прекратить вовсе. В конце концов все можно и в Шантаре распилить, было бы что. Разделиться всем на две группы. Одна будет возить бревна к реке и вязать плоты. Сколько надо, столько туда и назначим, чтоб к этому самому Ильину дню все плоты были наготове. Остальные будут продолжать день и ночь валить деревья. День и ночь... За оставшиеся дни нам надо сделать как можно больше.

После обеда, когда все рабочие разошлись по определенным местам, Савчук, слушая визг пил, стук топоров и голоса людей, тоже похлебал немного из миски и направился в сопровождении Елизарова к ларьку. Вера Инютина, увидев входившего парторга завода, вильнула испуганно глазами, вскинула ладонь на колыхнувшуюся грудь, обтянутую тонким платьем, встала боком к небольшому оконцу и опустила голову. За два последних года Вера как-то повзрослела, и хотя ей было всего двадцать три, шел двадцать четвертый, от ее глаз, походки, жестов, от всего ее облика веяло достоинством много пожившей и немало испытавшей женщины.

Елизаров, зайдя следом за парторгом в ларек, сел на перевернутый ящик из-под консервов и опять опустил нос книзу. Когда садился, ящик под его налитым задом захрустел, и Савчук, не глядя на милиционера, поморщился.

— Ну, красавица, рассказывай, что тут такое приключилось?

Инютина всхлипнула.

— Разобраться надо. Расскажи...

Из сбивчивого рассказа Веры он понял, что насиловать ее никто не собирался вроде, и почувствовал великое облегчение. Дело было простое — двое молодых парней, как только Вера появилась в тайге, стали частенько забегать в ларек, потом и сторожить, когда она возвращалась по вечерам на ночлег или утром шла умываться к ручью. Вера улыбалась при встречах и тому и другому («Что ж я, ведьмой должна смотреть на всех?!»), и между парнями, ранее дружившими, стала возникать неприязнь. А несколько дней назад после работы оба умотали с тем самым Захаром, на которого Савчуку жаловалась повариха, в деревушку Облесье, что расположена километрах в пятнадцати в горах. Там у знакомой Захара они всю ночь пили медовое пиво, а к утру объявились здесь.

— Я только умылась в ручье, иду назад, — говорила Вера, не глядя на Савчука, — а он, Мишка, вывалился из-за кустов. Пьяный, улыбается...

Тут Вера подняла глаза на Савчука. В глазах ее горели желтые точки, как у рыси, а губы были обиженными.

— Говор идет, будто хотели... хотели они меня... Неправда это! Они оба хорошие — и Михаил и Генка. Только дураки. Зачем они мне?

Проговорив это, Вера прикусила нижнюю губу своими остренькими зубами. Елизаров поднял на Инютину глаза, усмехнулся и снова опустил взгляд.

Дальнейшее, по рассказу Веры, развивалось следующим образом. Михаил начал объясняться в любви, раскинул руки, прижал ее к стволу сосны и начал целовать. В это время из леса вышел Геннадий, тоже пьяный: «Не лапай ее!» «А твоя она, что ли? Следом крался, как шпион?! Уматывай!» «Сам катись!»

— Слово за слово — и пошло у них,— рассказывала Вера. — Потом один схватил сук, другой какую-то палку. И начали друг друга молотить... Я опомнилась, когда у Мишки кровь потекла, закричала...

Через несколько минут Савчук в сопровождении того же Елизарова подошел к землянке, где сидели драчуны.

— Ну-ка, выводи их.

Елизаров отомкнул двери из почерневших плах. Геннадий и Михаил вылезли на свет осовелые, у одного была перебинтована голова, у другого плечо. Вылезли и встали, опустив виновато длинные руки с сильными ладонями. Савчук знал обоих — они работали в литейке и были неплохими мастерами.

— Красавцы! — произнес Савчук насмешливо и холодно. Парни молчали. — В военкомат, что ли, вас обоих отсюда направить?

— Во-во, — подал неожиданно голос Елизаров. — Разбаловались до края тут.

— А вы не пугайте! — вскинул голову Геннадий. — Чем нашли пугать!

— Вы вон енту милицию на фронт спробуйте, — желчно бросил и Михаил. — А мы — с полным желанием и удовольствием. Наели тут рыла...

— Вот-вот, — усмехнулся Елизаров. — Это они и про вас... Хулиганы!

— Замолчите! — прикрикнул Савчук на Елизарова в бешенстве. Этот человек чем-то его раздражал все больше. И недоволен был Савчук собой, этими своими глупыми словами о военкомате, неизвестно как вырвавшимися. Действительно, нашел чем пугать...

— За драку — прощения просим, — заговорил Михаил. — Так, по дурости... Тут этот нас пугает, раскормленный боров, — парень кивнул на Елизарова. — Дескать, пришгут вам место, каким изнасиловать девку хотели. Не было этого! И в мыслях. Верка, если честная, она скажет...

— Как же вы додумались побоище такое устроить? — спросил Савчук.

— Пиво проклятое... Когда Мишка исчез

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—20.

ЫЙ ЗОВ

из дому той, знакомой Захара-то, мне стукнуло — к Верке он это, тайком от меня. Ну я и следом подался за ним. За дорогу хмель не выветрился. Умеют в Облесье пиво варить... А что там! Наказывайте, чтоб поделом... Мишка-то вроде и ни при чем. Меня уж давайте.

— Марафонцы! — вспомнил почему-то Савчук словечко, выкрикнутое недавно на поляне. — Марш к медсестре!

— Да мы вроде бы... От безделья только ослабли.

— Марш, сказано! Оттуда — к Мазаеву. И глядите мне! В другой раз не такой разговор будет!

Парни повернулись и пошли друг за другом гуськом. Елизаров поднял свой тяжкий, в красных прожилках нос на парторга.

— Прощаете, выходит! Непорядок это, незаконно. Мы боремся с такими, а этак-то...

— Слушайте, вы... борец! — Савчук свирепел все больше, не понимая даже от чего. Ребята, подравшиеся из-за девчонки, если говорить честно, даже нравились ему чем-то. За пьянку и драку надо проучить, конечно, тут уж как положено. А вот этот милиционер... Действительно, разжирел, растолстел, как баба... — Марш... к Мазаеву!

— То есть? — хлопнул длинными ресницами Елизаров.

— Он на работу определит.

— Извиняйте... У нас свое дело. Мне в райотделение надо. Выделите лошадь.

— А я говорю — к Мазаеву! — угрожающе повторил Савчук. — Будете тут до конца вместе со всеми деревья валить. А с райотделением я объяснюсь как-нибудь...

Елизаров переступил с ноги на ногу, сложил губы обиженной скобочкой, повернулся грузно и пошел...

* * *

В деревне Облесье, неизвестно почему так называвшейся, — стояла она как раз среди самой дремучей тайги, провалившись на дно горной котловины, — была почта, дня через четыре Савчук съездил туда на верховой лошади, позвонил Нечаеву, объяснил директору завода, что тут на месте, исходя из условий, он принял несколько иное решение, а распиловку бревен на доски прекратил.

— Ну что ж, пожалуй... пожалуй, — глуховато покашливая, произнес Нечаев. — Тебе на месте виднее.

— Не мне, Филат Филатычу. Любопытный старикан. Вяжет плоты каким-то известным ему только способом, материт всех остервенело... Позавчера на ночь уехал куда-то. Погляжу, говорит, чем белки дышат. Прилетел вчера к обеду, загнав лошаденку, заматерился еще яростнее. Через неделю, утверждает, вода поднимется. Надо как-то нам бы его... премировать побогаче!

— Сделаем. Как вообще-то там?

— Лесу достаточно навалили. Успеть бы плоты сколотить. Я уж почти половину людей по требованию Филат Филатыча ему отдал. А у вас как?

— Все нормально. Слушай, ты что с моей секретаршей сделал?

— То есть? — не понял сразу Савчук.

— Чуть с ума она не сходит все эти дни. В Москву было кинулась... Обрекаешь, говорю, меня на смерть ты, как я тут без тебя? Дай отцу телеграмму, письмо напиши... Теперь-то уж нашли друг друга.

— А-а, — сказал Савчук. — А это точно его дочь?

— Здравствуйте... Чья же еще? Сегодня она с ним по телефону говорила.

— Он позвонил?

— Да нет, мы отсюда наркомат вызвали.

Возвращаясь из Облесья, Савчук думал о состоявшемся разговоре с директором. Голос у Нечаева вроде бодрый, покашливает только. Значит, справился после того жестокого приступа в кабинете у Кружилина. С недоумением размышлял о Наташе Мироновой, вернее, об ее отце-генерале. Это был еще не старый, только очень измученный, кажется, язвенной болезнью человек. На лице его выделялись брови — не очень густые, но разметистые. Глянув на эти брови, Савчук вспомнил, что и у Наташи такие же, и сразу подумал, не он ли ее отец.

— Простите, Александр Викторович. У вас нет... дочери Натальи?

— А что? — вскинул он свои темные недоверчивые глаза. Взгляд у него вообще был какой-то отчужденный, немного испуганный, будто он от каждого собеседника ждал подвоха, ловушки, и это не вязалось с его генеральской формой, с его положением в наркомате. — Была у меня дочь по имени Наташа. Но она погибла вместе с матерью... моей женой, во время эвакуации. Я навел все справки... Их эшелон разбомбило.

— У нас в Шантаре, на нашем заводе работает Наталья Александровна Миронова. Ей лет двадцать, двадцать один. Я не знаю, ваша ли дочь, но брови у нее... И глаза... И она из эвакуированных.

— Боже мой! — Миронов шагнул из-за стола к Савчуку. — Неужели жива? Я немедленно позвоню в Шантару...

Вернувшись из наркомата и закрутившись с делами, Савчук как-то не выбрал времени рассказать Наташе о встрече с ее отцом, полагая к тому же, что они давно созвонились. Раза два у него мелькало удивление, почему ж Наташа сама не отыщет его и не расспросит подробности этой встречи, но тут же эта мысль пропадала в суматохе. И только перед самым отъездом в тайгу, когда грузовики уже выехали за территорию завода, а Савчук из проходной прощался с Нечаевым, решил перемолвиться с Наташей.

— Я слушаю, Игнат Трофимович, — сказала Наташа в трубку.

— Ты что ж об отце-то ничего не спросишь? Все-таки я живого его видел.

— О каком... Что-что?! — В трубке что-то захлебнулось, послышалось частое дыхание. — Постойте... Вы это... со мной говорите? С Наташей?

— Да ты что? — растерялся даже Савчук. — Погоди... Я в наркомате встретил твоего отца. Он обещал позвонить тебе сразу. Разве он не звонил?

— Не-ет... — растерянно промолвила девушка. — Постойте... Я сейчас к вам... Вы откуда говорите?

— Я из проходной. Но меня ждут люди... Грузовики с заведенными моторами.

— Нет, не-ет! — закричала Наташа. — Подождите меня!

...Над тайгой по-прежнему палило солнце, даже в тени под деревьями было душно и влажно, как в парной бане. Лошаденка, привычная к такой жаре, шла резво, только время от времени фыркала да мотала хвостом, пытаясь отогнать комарье. Савчук, запарившийся в пиджаке, решил было его снять, но тут же надел, потому что комары как шильями тотчас начали прокалывать рубаху на спине, на плечах.

Да, странно это, что Миронов не позвонил дочери, как обещал, не дал даже телеграммы, раздумывал Савчук, покачиваясь в седле. Вообще никак не сообщил о себе, пока дочь сама не позвонила.

За обратную дорогу эта мысль несколько раз возвращалась к Савчуку, неприятно его беспокоя чем-то...

Вернулся Савчук уже затемно, выслушал доклад Мазаева о том, что сделано за день, остался доволен.

— Многие только, что на сплотке, кашлять начали, — сказал Мазаев. — Старик их целый день в воде держит. А сам как железный, зараза... Одна лошадь ногу сломала. Пристрелить пришлось.

— Эти как?.. Марафонцы, которые подрались?

— Работают, как звери.

— Людей на сплотке менять надо...

— Да меняем.

Когда совсем стемнело, Савчук, поужинав, взял мыло и полотенце, пошел к Громотухе. Всюду на отлогом галечном берегу громоздились кучи бревен, длинные готовые связки плотов лежали на воде, привязанные канатами к большим валунам или вкопанным в землю бревенчатым сваям. Савчук зашел на один из таких плотов, разделся. Здесь, на реке, было свежо, тянул ветерок, относил комаров, и они почти не беспокоили. Вдыхая с жадностью холодный запах мокрой древесины, Савчук прыгнул в теплую, усыпанную звездами воду. Здесь было неглубоко, всего по грудь, течение слабое, дно песочное. Савчук вымыл голову, с наслаждением поплавал, разбрызгивая руками звезды, вылез на плот, натянул брюки и рубаху, закурил.

За его спиной горели редкие огни костров, слышались нечастые голоса, раздавался иногда смех. Все это доносилось реже и реже, люди, утомленные долгим и нелегким рабочим днем, укладывались в палатках, в землянках, а то и просто у дымокуров.

Неожиданно сзади послышались всхлюпы оседавших в воду бревен. Савчук обернулся — кто-то шел к нему по плоту. Через секунду-другую он различил, что это Вера Инютина.

— Ой, ноги чуть не поломала! Там еще бревна не связаны. Извините. Я не знала, что это вы здесь. Думала, из девчонок кто.

Савчуку эта девица не нравилась, ему были всегда неприятны ее какие-то уж слишком угодливые глаза при встречах, и он не понимал, зачем Нечаев взял ее к себе в секретарши. Заходя в приемную, он вежливо здоровался и, отмечая, как вспыхивают приветливо ее длинные глаза, тут же отворачивался. Несмотря на приветливость, глаза ее казались ему неискренними. А вот сейчас, кажется, и голос и слова.

— Сюда вообще не следует ходить купаться, — сказал Савчук. — Не положено...

— Кем это? — спросила Вера. — Вы же ходите... Тут вода чистая.

Она проговорила это приглушенно и, кажется, чуть с улыбкой. На этот раз в ее голосе Савчук уловил откровенное желание разрушить грань официальности.

— Тут везде вода чистая.

Савчук встал.

— Вы простите... Ей-богу, я думала, что тут... Я уйду. Купайтесь.

— Я уже выкупался, — ответил он и пошел на берег.

Минут через двадцать, когда Вера с мокрыми волосами шла от берега по протоптанной в лесной траве дорожке, из-за толстого ствола метнулась к ней расплывчатая тень, кто-то железной хваткой защемил ей и голову и шею. Она не успела крикнуть, только охнула, чей-то горячий рот поймал ее губы, начал жевать их, а другой свободной рукой нырнул под расстегнутую кофточку, больно сжал холодную от воды грудь. Вера, пы-

таясь вывернуться, зарычала, принялась рвать волосы насильника, а потом, догадавшись, кто это, затихла и даже, когда тот оторвался от ее губ, сказала:

— Ну что же ты, Аникей? Еще целуй, а то у меня кровь застыла.

Елизаров, однако, отпустил ее, сел на корточки под сосну.

— Дурак ты, — зло сказала Вера, застегивая кофточку. — Что пугаешь? Захотел потискаться, сказал бы. Сама б пришла.

Вера постелила полотенце на землю и села рядом с Елизаровым, натягивая юбку на коленки.

— Я, Верка, Нинуху свою из-за тебя выгнал, — сказал тоскливо. — Айда за меня.

— Не будет этого.

— Тогда... вот те крест, Верка, силой тебя подомну как-нибудь. Нарушу твою невинность драгоценную.

— И этого не будет, — спокойно сказала Вера. — Тогда ведь тюрьма, фронт. А ты этого боишься. Трус ты. Вон цыкнул на тебя Савчук, и ты остался, вкалываешь. Трудненько? — усмехнулась она.

— А зачем мне на рожон с этим пустяком лезть? Я вот хочу на желдорогу перейти работать. Устроюсь кем-нибудь, кладовщиком или где по механизации. Я ж тракторист все же. А из-за такого пустяка он, Савчук-то, еще и озлиться может.

— А у вас-то что, в милиции? Сняли бронь, что ли?

— Ну, у нас... — неопределенно махнул рукой Елизаров.

Вера, поняв, что у Елизарова по службе какие-то неприятности, опять усмехнулась. Он заметил это, схватил железными пальцами ее за плечо, тряхнул.

— Ты! Не скалься... Все рыбачишь, где поглубже? Ишь, на плот приперлась. Дура! Да разве он клюнет!

— Вывел, а! — И Вера хохотнула. — Зад отрастил, а мозги совсем ссохлись. Я и не знала, что он тут.

— Ничего, понимаем. Алейников сорвался, директор завода из секретарш по шее дал... Грубо работала, должно. На передний план все титьки выставляешь. А они у тебя склизкие.

Вера вскочила, губы ее дернулись. В темноте ее глаза сверкали, брызгали искрами.

— Т-ты... мешок с навозом! Какие бы ни были, да не для тебя! — И она торопливо сделала шаг назад, будто боялась, что Елизаров опять кинется на нее.

А он действительно встал.

— Слушай... Инюткина, как этот старый хрыч тебя зовет, — прохрипел Елизаров. Стоя на месте, он протянул длинные руки, схватил Веру, стоявшую теперь столбом, и притянул близко к своему лицу.

— Отпусти сейчас же! — вскрикнула она сдавленно. — Я закричу!

— А я что, не понимаю, что закричишь? — усмехнулся ей в лицо Елизаров.— Потому я тебя силком брать не буду. Сама ты подстелешься под меня. Добровольно. Запомни.

— Жди, как же!

— Подожду, я терпеливый. — И он оттолкнул ее от себя. — Никого ты, рыбачка, не поймаешь. Крючки у тебя не те. Я только для тебя...

Он повернулся и пошел, раскачивая в темноте огрузлым задом. А она стояла, взбешенная, ее просто колотило от ярости, но глядела, как он уходит, молча, а чтобы не закричать, острыми зубами кусала край полотенца.

* * *

3-й Гвардейский танковый полк, отведенный после тяжких февральско-апрельских боев на доформировку и отдых в сожженную немцами деревушку Тасино под Курском, в самом конце июня получил приказ выдвинуться под сельцо Фатеж, стоявшее на тихой и светлой речке Усоже.

Шоссейная дорога Курск — Орел, содержавшаяся до войны в образцовом состоянии, сейчас была сплошь в рытвинах и ухабах, местами дорожное полотно зияло глубокими воронками. Длинная танковая колонна, двигающаяся и без того на малых оборотах, объезжая эти воронки, еще более замедляла ход.

Стояла сушь, траки взбивали пыльную пудру, она клубами взрывалась под танковыми днищами, тугими струями хлестала во все стороны, забивала, запечатывала щели триплексов. Машины шли будто в густом молочном тумане, Семен ничего не видел, кроме мутной пелены, и, боясь врезаться в машину, идущую впереди, яростно матерился про себя.

Под Фатеж прибыли к вечеру, солнце садилось во вспучившиеся до неба пыльные облака. Семен, грязный, как трубочист, выбрался из танка, снял шлемофон и гимнастерку, начал выколачивать из нее пыль о ствол ободранной березки. Рядом стряхивались, отплевывались от пыли стрелок-радист Вахромеев, командир орудия их повидавшего вида «КВ» сержант Алифанов и дядя Иван, заряжающий.

— А я-то думаю, что это полк двинулся при ясном солнышке, в открытую, — проговорил Семен, кивая на серое, пыльное небо, тяжко висевшее над землей. — А тут такая маскировка.

— Речной мятой тянет вроде. — Иван, глядя на мутное небо, принюхался, будто запахом мяты оттуда, сверху, и тянуло. — Где-то речка рядом. Умыться бы хоть. А, Егор Кузьмич?

Алифанов, маленький, плотный артиллерист, с такими же усами-подковками, как у Ивана, молча поглядел на командира танка, старшего лейтенанта Дедюхина, неуклюже вылезающего из люка.

— Можно, — сказал Дедюхин хмуро. — А то на чертей похожи. Только сперва машину примаскируйте.

Старший лейтенант Дедюхин был человеком грубоватым и мрачным, но в душе, как это почти всегда бывает с такими людьми, бесконечно добрым. Семен увидел его впервые под Челябинском около года назад. Он, тогда еще младший лейтенант, шел, тяжко ступая, вдоль строя выпускников краткосрочных курсов механиков-водителей танков, при каждом шаге тяжело выбрасывал вперед то одну, то другую руку. Семену показалось на миг, что, если этот хмурый человек остановится, руки его еще будут некоторое время болтаться.

— Ты! — произнес он неожиданно, остановившись против Семена, ткнув в него указательным пальцем.

— Рядовой Савельев, — проговорил Семен.

— Вижу, что не генерал. Сибиряк, мне говорили?

— Так точно, товарищ младший лейтенант.

— Шагом марш за мной.

Повернулся и пошел обратно.

Младший лейтенант Дедюхин был не молод, лет сорока, по виду из рабочих. На его груди посверкивали орден Красной Звезды, две медали. В несколько фраз он объяснил Семену, что приехал с фронта в тыл за своим ремонтировавшимся здесь танком, «расколотым» прямым попаданием сволочной фашистской авиабомбы, во время которого убило механика-водителя и Костю — заряжающего.

— Вот теперь еще заряжающего надо,— закончил он. — Не знаешь, где взять хорошего мужика?

— Так разве мало...

— Хе! — усмехнулся Дедюхин и грубовато прибавил: — Дерьма много, да по-разному воняет... Я сам с Красноярска, весь экипаж у меня сибиряки. Железо люди! Костя тоже был с Иркутска, а не с Малаховки какой-нибудь... Был я до войны в Москве и в Малаховку ездил. Со знакомой одной. Дачное место! Ну, не знаешь?

— Знаю, — сказал Семен, понявший, чего хочет этот странноватый младший лейтенант. — Сейчас пополненцы тут обучаются. Там есть такой солдат Иван Савельев... Как раз в артиллерийском полку он...

— Чего? — прищурил Дедюхин свои острые глаза.

— Это дядька мой. Не ошибетесь.

— Хм, — буркнул Дедюхин, еще раз ободрал холодным взглядом Семена. — Ну, я проверю. Ежели соврал и барахло твой дядька — шкуру с тебя спущу. Где его найти?

Неделю спустя в гулком цехе танкоремонтного завода появился Иван Савельев и, выставив сутулые плечи, стоял у стальной громадины. Танк Дедюхина «КВ» № 734 только что покрасили, краска уже подсохла, но еще резко пахла. Сам Дедюхин, маленький, удивительно маленький по сравнению с этой горой металла, юрко суетился вокруг танка, гладил ладонью броню, траки, ведущие колеса, без умолку говорил, почему-то чуть заискивающе:

— Вот она, Иван Силантьевич, а! Мамонька! Тридцать два попадания да сволочная авиабомба еще... А она только трещинку дала. Сейчас есть уже новые танки «тридцатьчетверки». Говорят, хорошие коробочки. Да видел я их, куда внучке до тетки, тетка три раза замужем была, не-ет... Соглашайся, Иван Силантьевич, соглашайся.

— Да куда мне в танкисты? И не отпустят, — по-домашнему произнес Иван.

— Хе, не отпустят! Это к Дедюхину не отпустят? — Младший лейтенант, говоря это, повернулся почему-то к Семену, и, когда поворачивался, рубиновые кубики на правой его петлице блеснули искрой в тусклом свете заводского цеха. — Он что это мне говорит? — И снова повернулся к Ивану, видно, чем-то понравившемуся ему. — Кроме того, есть приказ Верховного, чтоб сын с отцом, брат с братом вместе воевали, чтоб не разлучали родственников. А делу тебя Алифанов, Егор Кузьмич, командир орудия, живо обучит. У нас Егор Кузьмич — ого-го! Голова! Томский таежник он, понял? Дело то хитрое — взять снаряд из гнезда, сунуть в ствол, закрыть замок. Ну? Ну?

Так вот и оказался Семен с Иваном в одном танковом экипаже. Из Челябинска довезли отремонтированный «КВ» на железнодорожной платформе до Волги, переправились через нее, потом своим ходом добрались до села Котлубань, под которым Дедюхин разыскал свой полк. Было это в конце августа прошлого года, немцы в районе хутора Вертячего и станции Качалинской уже перешли Дон и рвались к Волге. Сутками гремела канонада, горела земля, на совхоз Котлубань и на станцию Качалинскую, хотя там нечего было уже бомбить, беспрерывно налетала фашистская авиация.

— Ага, Савельевы, мокро, что ли, в штанах? — весело спросил Дедюхин, когда с неба посыпались однажды бомбы чуть не в самую балку, по которой были рассредоточены замаскированные машины.

Где-то сбоку лаяли, огрызаясь, зенитки, но вражеские самолеты не обращали на них внимания, кружили и кружили над степной балкой. Страха у Семена не было с первого часа пребывания в прифронтовой полосе, хотя всю дорогу от Челябинска до Волги он испытывал какое-то беспокойство. Он прислушивался к себе, пытаясь понять, что происходит у него в душе. «Неужели это я трушу?» — задавал он себе беспощадный вопрос, криво усмехался. И чем ближе была Волга, чем чаще проплывали мимо разбомбленные станции и поселки, чем отчетливее ощущалось страшное дыхание войны, тем он становился как-то холоднее и спокойнее, только беспрерывно думал: а как там Наташка, как же она? Вот и в тот раз, сидя согнувшись в земляной щели, ощущая спиной холодок глиняной стенки, он думал о жене, вспомнил, как уезжал на войну, как Наташка, когда его подхватили сильные руки и подняли в вагон, упала на пыльную землю и забилась на ней, представлял, как потом подошла к ней его мать, нагнулась и стала поднимать, а рядом то с одного, то с другого боку суетилась, наверное, Ганка.

Слова Дедюхина, их командира, оскорбили Семена не грубостью, а даже непонятно чем. Если бы не эти самолеты, которые не пугали, а все сильнее раздражали его, если бы не думы о Наташке, от которых тупо постанывало в сердце, он, может, пропустил бы мимо ушей эту грубую шутку. А тут он встал, отряхнул с гимнастерки пыль и, глядя в смеющееся лицо Дедюхина, с яростью промолвил:

— Ты, командир... сам вперед не напусти, гляди.

Угловато высеченное лицо Дедюхина вытянулось, он моргнул раз-другой.

— Чего-о?! Ты... как сказал?!

— Да плюньте вы, товарищ младший лейтенант, — попробовал потушить ссору Иван, сидевший рядом.

— Молча-ать! — рявкнул Дедюхин не то на Ивана, не то на Семена.

Семен махнул рукой и пошел вдоль щели. Дедюхин хотел что-то ему крикнуть вслед, остановить, может быть, но то ли передумал, то ли просто пересилил себя, засопел и опустился на дно щели.

С неделю потом Дедюхин молча посапывал, отворачиваясь от Семена, на занятиях по вождению танка и стрельбе с ходу выжимал из Семена и Ивана да и из остальных по ведру пота. А наконец сказал тому же Ивану:

— Хорош... Не зря я твоего племянничка взял. Ну, да у меня глаз алмаз, как отмерю, так отрежу... Теперь, значит, оправдаете себя. Это уж скоро, через день-другой.

Через два дня полк действительно бросили в самое пекло близ хутора Вертячего...

...Плескаясь в перегревшейся мелкой речонке, заросшей по берегам удивительно свежим, неизмятым кустарником, Семен вспоминал почему-то этот свой первый бой под донским хутором Вертячим. Даже не весь бой, а всего один эпизод, который постоянно приходил ему на память и не сотрется в ней, думал он, видимо, до конца жизни. Лощина, по которой скатывались навстречу друг другу советские и немецкие танки, была затянута утренней синеватой дымкой, и Семен думал не о смертельной опасности, а вот о таком же утреннем тумане, который, поднимаясь с Громотухи, затягивал прилегающие к ней луга, вспоминал, как Звенигора, погруженная в этот туман до половины, словно бы плывет по нему, поблескивая золочеными вершинами. В такие утра зверский клев на Громотухе, интересно, как на Дону?

— Куда прешь, куда прешь?! — ударило по ушам, голос Дедюхина был надсажен и устал, будто он кричал до этого всю ночь напролет. — Бок хочешь подставить, едут твою... Держи левее, прямо в лоб ему!

Семен дернул за рычаг, тяжкая махина послушно взяла левее.

— Так... Так, прямо!

А прямо шел приземистый немецкий танк, с приплюснутой башней, поводя из стороны в сторону пушечным стволом. Т-3 — определил Семен сразу же марку немецкого танка, вспомнил даже красочный плакат, который висел на дощатой стенке там, в Челябинске, когда он учился на краткосрочных курсах механиков-водителей. На плакате был изображен этот самый танк в разных ракурсах.

До танка было еще с полкилометра или чуть побольше, когда он перестал вертеть пушечным стволом, уставил его, как показалось Семену, прямо ему в смотровую щель. Из пушечного дула пахнул дымок, совсем не опасный, однако Семен инстинктивно прикрыл глаза. Но грохота снаряда о броню не последовало, немецкий артиллерист промахнулся.

— В-вояки, в задницу вас... — опять прогремел в ушах голос Дедюхина. — А ты дуй, дуй, газу прижми! Алифанов, не стрелять, приготовься...

Эта команда «не стрелять, приготовься» немножко удивила Семена. «Как же так? Как раз и надо бы сейчас влупить ему...»

— Понятно, — прохрипел командир орудия.

Семен совсем ничего не мог сообразить. А тут оглушительно ударило по броне, из вражеской машины снова выстрелили, этот снаряд угодил в лобовую броню, танк качнуло, в голове у Семена зазвенело, и сквозь звон он услышал в наушниках хриплый смех Дедюхина, а потом его матерщину и слова:

— Чего хотели — «КВ» продырявить. Это вам не жестянка из-под помады. Не сворачивать у меня!

Это уже опять относилось к Семену.

— Понятно, — сказал он, как и Алифанов, и почувствовал, как под шлемофоном взмокли волосы. Если танки столкнутся лоб в лоб на такой скорости, оба они расплющатся и вспыхнут, как спичечные коробки. Но к тому мгновению, как вспыхнут, в обоих танках будут лишь трупы...

— Молодец, что понятно. За понятли-



вость нас бабы уважают. А любят за мужскую силу, хе-хе...

Эти слова и этот смешок заставили Семена улыбнуться. В мозгу мелькнуло: какой же он, Семен, дурак, что огрызнулся тогда на Дедюхина, ведь с ним не пропадешь, а коли случится что... как сейчас вот может случиться... то умирать будет весело.

Мотор взревел, сотрясая стальную громадину. Танки быстро сближались. «Если счас влепит — то прямо в смотровую щель», — сверкнуло у Семена тревожно. Было в нем будто два Семена: один ничего уже не боялся, был лих и безрассуден, а у второго беспокойно все-таки долбила в мозги тяжелая, как жидкий свинец, кровь.

Между танками оставалось метров семьдесят, вот еще меньше, еще. По лицу Семена грязными реками стекал пот, в голове гудело, руки вдруг противно задрожали. По ним шли какие-то конвульсии. Семен понял, что руки сами собой готовы рвануть рычаг, чтобы бросить тяжелую машину в сторону, чтобы избежать смертельного столкновения.

— Прямо! — прохрипел Дедюхин, тяжко дыша и будто чувствуя состояние Семена. Из ствола вражеского танка опять брызнул дымок, но адского грохота по броне не последовало. «Действительно размазня! — злорадно подумал Семен о немецком артиллеристе. — С такого расстояния промахнуться...» И он понял, что нервы у фашистских танкистов напряжены, как у него самого, до последнего предела, и еще подумал с какой-то уверенностью, что они у них вот-вот лопнут, оборвутся. Закусив до крови губы, он бросил дико ревущую машину на пригорок, чтобы оттуда, с высоты обрушиться всей тяжестью на фашистов, и на миг потерял танк с крестом из поля зрения. Только на миг, но когда тяжкий «КВ» взлетел на пригорок, немецкой машины впереди не было.

— Ну?! — вроде бы возмущаясь, что Семен потерял немцев из вида, рявкнул в шлемофоне голос Дедюхина. И тут же Семен почувствовал, как громыхнуло их орудие.

— Молодцом Алифанов! — неожиданно вяло произнес Дедюхин. И Семен увидел чуть в стороне горящий немецкий танк, сразу же понял все ясно и отчетливо, весь нехитрый расчет Дедюхина на выигрыш. Ни 37-, ни 50-миллиметровые орудия, устанавливаемые на немецких танках, для лобовой брони «КВ» были не страшны, но и пушка «КВ» не в силах пробить квадратный стальной лоб фашистской машины, поэтому Алифанов и не стрелял. Но рано или поздно нервы гитлеровцев должны были не выдержать, и как только это случилось, едва вражеский танк отвильнул в сторону, Алифанов, бывший начеку, влепил ему в бок, в самый упор снаряд, в клочья разорвав гусеницы, — горящая немецкая машина крутилась на одном месте.

Когда бой кончился, над лощиной все еще стоял туман, он даже сделался гуще, и не сразу Семен сообразил, что теперь это не туман, а дым, отлившийся по земле от подбитых немецких и наших танков, рассыпанных по всей низине чадящими кострами. Дедюхин приказал всем выстроиться возле машины, прошелся взад, вперед перед экипажем, собираясь с речью, как казалось Семену. Но речь он не сказал, только спросил:

— А что, Иван Силантьевич, сердце уходило в пятки?

— Трудновато было, — сказал Иван, тоже грязный и потный, как все.

— Ну, война — это работка! Обвыкнется...

Руки, ноги, тело Семена все еще гудели мелкой дрожью, он думал о том, как вываливались из подбитых горящих машин немцы в черных комбинезонах, кидались прочь, падали под пулеметным огнем, некоторые больше не вставали, и он, Семен, давил их, и бегущих и уже лежащих, гусеницами, каждый раз будто слыша хруст ломаемых костей. «Разве можно к этому привыкнуть, разве можно?!» Его вдруг замутило, он невольно прикрыл глаза и пошатнулся.

— И Савельев Семен молодцом, — услышал он голос Дедюхина. — Еще один такой бой — и обвыкнетесь, мужички-сибирячки...

...И вот теперь Семен не только обвыкся, а как-то даже потерял раз и навсегда ощущение своего присутствия на войне, ему все казалось, что он действительно находится на какой-то работе, утром заступил на смену, и вот все не кончается трудовой день, а дома ждет Наташка, теплая, вся трепетная, и бабка Акулина ждет, суетясь по бесконечным своим делам в комнатушке. Было потом много боев, больших и малых, в ходе которых немцы все оттесняли их дивизию и всю армию к железнодорожной линии Качалинская — Сталинград. Ощущение опасности как-то выветрилось, наверное, просто было некогда об этом думать, дни и ночи запомнились дымом и грохотом... И даже когда под сельцом Овражное их «КВ» подожгли, Семен не думал об опасности. Задыхаясь от дыма, чувствовал, что на спине горит ватник, и, понимая, что вот-вот может взорваться боекомплект, он бросил пылающий танк в какую-то речушку и только там вывалился из люка в ледяную воду.

— Ах, едут твою! Молодцом, что не растерялся... Ну, прибить пламя! Всем, живо!

Пожар кое-как потушили, кусок пламени, оторвавшись от танка, уплыл по речке, слизывая толстую лепешку мазута на воде. С помощью подвернувшегося танка их «КВ» выволокли из речушки на глинистый берег. Сбоку, за кустами, то приближаясь, то удаляясь, гремел бой. Семен ходил вокруг дымящейся паром железной горы, проверяя траки. Все было вроде бы в порядке.

— Заведется? — спросил Дедюхин.

— Не знаю. Должен. Не развалился же он.

— Коли б развалился — к лучшему бы, — неожиданно сказал стрелок-радист Вахромеев, потирая обожженную щеку. — Получили б «тридцатьчетверку».

— Я те дам — «тридцатьчетверку»! Это механизм! — Дедюхин пнул в гусеницу. Он не признавал никаких типов танков, кроме «КВ». — Заводи!

Семен, обрывая обгорелые лохмотья мокрого ватника, полез в люк. Механизм завелся.

В бою под Овражным они расстреляли из орудия четыре вражеские пушки, проутюжили гусеницами окопы, где красноармейский батальон всего четверть часа назад держал оборону. Обстановка на войне меняется быстро, и пока они барахтались в речке, немцы выбили наш батальон из окопов, заняли их, успели подтянуть и установить пушки. Выбитый из окопов и прижатый к кромке лесочка, занятого тоже немцами, стрелковый батальон был обречен, и появление в тылу у немцев двух советских танков было полной неожиданностью. Гитлеровцы в панике начали поливать их из пулеметов, разворачивать пушки, но сделать это не успели. Видя неожиданную помощь и замешательство немцев, батальон поднялся в атаку, снова занял оставленные несколько минут назад окопы, а к вечеру, уступая превосходящим силам противника, без особых потерь отошел на новый рубеж.

— Это мы сотворили переполоху у них,— довольно сказал вечером Дедюхин. — А ты, Вахромеев, балда. Хочешь променять хрен на морковку. Чтоб у меня таких и разговоров не было! Не слыхал, чтоб... Ну, а медали у нас в кармане. Это уж я знаю, такой вышел переплет. Под Вертячим, помните, танк сшибли, и вообще геройство экипажа было налицо... Но... невеста красива, да женишок спесивый... Ладно уж. А тут уж хошь не хошь, а медаль положь. Крышка батальону, коли б не мы, утопленники. Вот она, кривая.

Дедюхин говорил об этом, радуясь, как ребенок, будто в этих медалях была вся жизнь и дело с наградами уже решенное.

Медали «За отвагу» всему экипажу действительно вручили месяц или полтора спустя, когда под той же Котлубанью они ремонтировали немножко поврежденную в последнем бою ходовую часть.

— Ну, Савельевы, считайте, что это вам только аванец, как в начале месяца, — сказал Дедюхин, обращаясь к Ивану и Семену. — Отрабатывать его скоро придется, я чую...

«Чуяли» это и все остальные.

Продолжение следует.

РОДНАЯ СТАНИЦА

Творчество Семена Бабаевского известно давней и верной привязанностью к сельской теме. В новом его романе «Станица» современная деревня предстает со всеми ее сложностями и успехами, горестями и отрадами.

Действие романа происходит в наши дни в кубанской станице Холмогорская. В центре событий две трудовые династии — семьи Андроновых и Бегловых. Главы семей — почетные колхозники, потомственные хлеборобы, беззаветно преданные родной земле и делу. Корнями своими уходят они в эту землю, они те, кто кормит людей воистину плодами собственного труда.

У Василия Беглова взрослые дети. Трудолюбивые, талантливые, но никто не пошел дорогой отца. Кто же будет растить хлеб?

Мысли о будущем станицы, о судьбе идущего на смену поколения неотступно волнуют Василия Беглова. Но контакт с молодежью непросто дается ветерану.

«Наш батя хотя человек и малограмотный, однако перемены в жизни Холмогорской видит не хуже нас с тобой,— говорит Дмитрий Беглов брату.— А вот понять, куда же идет станица, не может. Каким-то своим, я бы сказал, мужицким чутьем угадывает, что то крестьянство, которое ему так знакомо и к которому сам он принадлежит, безвозвратно уходит в прошлое, и это пугает нашего батю...»

У Андрея Саввича Андронова дети работают с отцом, их знаменитое «андроновское трио» известно во всем крае. А жизнь в семье тем не менее пошла наперекосяк: Иван любит замужнюю, Никита — шофер станичного хозяйства, трудится неплохо, но одержим духом собственничества, наживы. Для его отца — это неподдельное горе. Ведь в их семейной реликвии, в маленькой, почерневшей от времени книжечке-родословной записано: «Андроновы честно живут и с честью помирают».

Жить честно — значит быть с людьми и трудиться для людей. Именно это является основой морали тех, кого считает писатель истинными героями современности. Земля и люди неразрывны для них. Это «живая жизнь», то есть взаимопроникновение земли и труда, природы и морали.

Родная станица в глазах Василия Беглова или Андрея Андронова не только рациональное хозяйство, но и живописные холмы, с незапамятных времен защищавшие Холмогорскую казачью крепость. В девятнадцатом году конники Кочубея бились здесь с белогвардейцами, в Великую Отечественную полегли на них многие станичники. Вот и говорит Беглов: «Красивые они по весне, когда на них зацветают маки, и осенью, когда ветерок клонит долу белую волну ковыля. Смотришь на них и насмотреться не можешь. Для меня холмы — это что-то такое, что вошло в мою жизнь и о чем словами не высказать». Да и к чему слова? Исчезнут холмы — убудет его Родины. А вот сын старого колхозника архитектор Дмитрий Беглов, проектируя новый животноводческий комплекс для станицы, рассчитал заложить его как раз на холмах. Зачем пропадать земле, когда она может принести пользу, и еще какую!

На чьей стороне правда в этом скрытом споре? Автор прямо не отвечает на этот вопрос. Но в теме «Станицы» легко услышать перекличку со словами Глеба Успенского о том, что народ будет чувствовать над собой власть земли, «покуда в самом корне его существования лежит невозможность ослушания ее повелений, покуда они властвуют над его умом, совестью, покуда они наполняют все его существование».

Опубликована лишь первая книга «Станицы». В последующих главах писателю предстоит развить ряд характеров. Это особенно относится к образам молодых героев романа.

Материал для этого есть, ибо Семен Бабаевский знает жизнь и проблемы современной деревни.

А. БАСМАНОВ

Семен Бабаевский. Станица. «Октябрь», №№ 6—8. 1975 г.

ТОТ, КОТОРЫЙ ПРОТИВ

В. НИКОЛАЕВ

Помещенная на этой полосе фотография — пример политической рекламы. Очередной участник гонки за выдвижение в американские президенты в очередном образе: каждое такое новое обличье по идее должно привлечь голоса определенных кругов избирателей. Зафиксированная объективом сценка из жизни американского сенатора весьма для него характерна.

Как известно, именно Джексон стал глашатаем тех сил, которые пытаются помешать разрядке напряженности, развитию американо-советского сотрудничества. По указке этих сил Джексон внес так называемую поправку к законопроекту о торговле, выступив, по сути дела, против снятия дискриминационных ограничений в торговле США с СССР. Смысл поправки сводился к тому, что ее инициаторы — сионисты хотели бы вмешаться в наши внутренние дела. Разумеется, наша страна не могла пойти на это. Газета «Уолл-стрит джорнэл», говоря о сионистских связях сенатора, писала: «Джексон надеялся на то, что его поправка к законопроекту о торговле обеспечит ему денежные пожертвования евреев на предвыборную кампанию и голоса евреев в его ожидаемой борьбе за пост президента». Всегда хорошо осведомленная и влиятельная газета «Вашингтон пост» констатирует: «Основа поддержки Джексона — это американская еврейская община». Газета «Вашингтон старньюс» сообщает, что только за одну поездку в Лос-Анджелес сенатор собрал для своей предвыборной кампании 385 тысяч долларов, причем не менее 90 процентов этой суммы поступило от сионистских кругов.

Так именно эти круги платят сенатору за его борьбу против американо-советского сотрудничества, против арабских стран, за его поддержку сионизма и агрессивной политики Израиля. Между прочим, такая подрывная деятельность сенатора идет вразрез и с интересами США. Так, газета бельгийских деловых кругов «Эко де ла бурс» пишет, что американский конгресс «находится под слишком сильным влиянием сионистского лобби в ущерб долгосрочным интересам США».

Джексону по душе сомнительные лавры все еще не оттаявших монстров «холодной войны». В свое время он требовал применить ядерное оружие против вьетнамского народа. Призывал сбросить ядерные бомбы и на головы арабов. Когда в 1968 году произошел инцидент с захватом шпионского судна «Пуэбло», шумел о необходимости "ядерного возмездия" в отношении Корейской Народно-Демократической Республики. Среди его подобных изречений есть и сентенция в адрес нашей страны: «Когда имеешь дело с русскими, грохот ядерных взрывов звучит убедительнее слов». Даже после столь краткого экскурса в политическую биографию сенатора не вызывает сомнения характеристика, выданная ему газетой «Нью-Йорк дейли ньюс»: «Джексон остается неисправимым сторонником «холодной войны». Он упорно выступает за дальнейшее увеличение военных бюджетов и против разрядки практически на каждом шагу».

...На белый свет Генри Джексон появился более шестидесяти лет назад в штате Вашингтон. Выросший в первозданной чистоте нетронутой природы, он теперь не покладая рук пытается отравлять международную атмосферу. С помощью каких средств? Оказывается, у него в руках немало рычагов управления. Джексон занимает в комиссиях и подкомиссиях сената немало влиятельных постов. Голова?! И в то же время, как свидетельствует американский обозреватель Ричард Ривс, политический лексикон Джексона, которым он пользуется в своих выступлениях, состоит примерно из ста слов и фраз.

Что же тогда двигает его вперед? «Движущих пружин несколько,— со знанием дела отвечает на этот вопрос Роберт Макнамара, бывший американский министр обороны, ныне президент международного банка реконструкции и развития.— И предвыборные расчеты. И близость к военным промышленникам. И сионистское окружение. И дружба с Мини. Но главное, мне кажется, вот что: он еще верит в «магию» военной силы».

Остановимся на этих весьма конкретных определениях.

Итак, «близость к военным промышленникам».

«Да, я сенатор от военно-промышленного комплекса»— так охарактеризовал себя сам Джексон в беседе с корреспондентом. Охарактеризовал точно. Джексона давно уже зовут «сенатором от «Боинга», имея в виду его верную службу этой корпорации, производящей военные самолеты. За свои двадцать сенаторских лет он устроил «Боингу» немало выгодных заказов. Сенатор Эдмунд Маски как-то заявил: «Я бы страшно не хотел, чтобы Джексон стал президентом. Потому что в таком случае мы никогда не увидели бы солнца. При нем все небо всегда было бы черно от самолетов, несущих вахту».

Джексон яростно нападает на идею сокращения вооружений. Вот что пишет об этом американский обозреватель М. Чайлдс: «Превратить ограничение стратегических вооружений в своего рода политический футбол—это значит играть судьбами не только нашей страны, но и всего человечества. Именно это и делает сенатор Джексон».

Его милитаристские речи говорят за себя. Выступая в Национальном военном колледже, он сказал, что стоит за победу в «холодной войне». Джексон призывает к наращиванию американских сил на Ближнем Востоке, выступает за увеличение ассигнований на вооружение. Недаром в Вашингтонском университете, который сенатор в свое время окончил, можно купить значок с надписью «Генри Джексон страдает военно-промышленным комплексом».

Перейдем к следующему определению, высказанному Макнамарой, которого мы цитировали выше: «Дружба с Мини». Здесь можно вспомнить известную поговорку: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты». Джордж Мини — это лютый антисоветчик, глава реакционного руководства профобъединения АФТ—КПП, престарелый мракобес и демагог. В одной американской газете недаром была опубликована такая карикатура: Джексон в рыцарских доспехах оседлал Мини и атакует разрядку напряженности.

С помощью описанных выше реакционных кругов, сенатор выдвинул свою кандидатуру на пост президента США от демократической партии. Беспокоясь о голосах избирателей, Джексон не раз пускался в демагогию, пытаясь доказать, что его не так понимают, изобразить из себя не того «ястреба», каким он является. Не лишено наблюдательности замечание газеты «Нью-Йорк пост»: «Джексон вряд ли одинок среди политических деятелей, которые демонстрируют свою непоследовательность и измену принципам. Но когда речь идет о сенаторе, эти противоречия кажутся особенно вопиющими, учитывая, что он всегда занимал весьма непреклонные позиции в качестве одного из последних упрямых сторонников «холодной войны». Джексон делал ставку на срыв разрядки напряженности, на создание взрывоопасных конфронтаций и на возрождение в Америке атмосферы милитаризма».

Новым любопытным фактом в деятельности сенатора стала его связь с маоистами. Генри Джексон направил свои стопы в Китай не как-нибудь, а по официальному приглашению китайской стороны. Агентство Синьхуа широко освещало визит сенатора, подробно сообщало о его встречах и приемах в его честь. Агентство Ассошиэйтед Пресс так писало о подоплеке альянса Джексона с маоистами: «...Причины довольно ясны. Сенатор — это человек их типа, критик Советского Союза и его политики, человек, который верит в необходимость жесткого тона разговора, поддерживаемого всем арсеналом вооружений. Китайцы придерживаются такой же линии».

В поте лица старается Джексон сорвать советско-американскую торговлю, и в то же время он, по сообщению английской газеты «Дейли телеграф», «заверил китайцев, что не видит причины, по которой их страна не должна пользоваться принципом наибольшего благоприятствования в торговле». Почитают сенатора маоисты и за его милитаристские взгляды. «В Китае,— сообщает агентство Рейтер,—безусловно, ценят стойкую поддержку сенатором Джексоном сохранения нынешней численности американских войск в Западной Европе». Пекинский корреспондент газеты «Санди телеграф» сообщил, что Джексон «произвел глубокое впечатление на китайцев своим знанием современного оружия и ядерной стратегии», а также своими «антисоветскими взглядами».

Одним словом, рыбак рыбака видит издалека. Недаром, вернувшись из Китая, Джексон заявил: «Я обнаружил, что мою позицию по многим жизненно важным проблемам, обсуждаемым сейчас в Америке, китайцы понимают и оценивают сочувственно. По моему мнению, китайцы признают важность НАТО и опасность немедленного вывода американских войск из Европы». Примечательно, что сенатор вернулся из Китая не с пустыми руками, а с набором антисоветских дацзыбао, которые он затем широко рекламировал в политических кругах Вашингтона.

В ходе предвыборной гонки сенатор попал в число неудачливых кандидатов в Белый дом. Какие бы влиятельные силы за ним ни стояли, его политика не отвечает задачам современности. Так, согласно опросу американского общественного мнения, проведенному этой весной известной в США службой Харриса, поддержка разрядки остается высокой: в ее пользу высказалось 59 процентов опрошенных против 23.

Генри Джексон готовится к выступлению в синагоге.

Фото из журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

ПЕРЕВЕРТЫ

Жанна ОРЛОВА

Дело об ограблении квартиры инженера Т. — оно слушалось в суде Советского района Москвы — на первых порах обещало быть весьма банальным. По заявлению жены инженера, когда она и муж были на работе, к ним в квартиру проникли два праздношатающихся паренька, которым открыла дверь ее несовершеннолетняя дочь Люся. Похитив редкостные драгоценности восточной работы, тунеядцы скрылись, но были найдены работниками уголовного розыска. Большую часть незаконно присвоенного удалось обнаружить в домах ответчиков и возвратить законной владелице.

Казалось бы, дело не представляет особого интереса. Между тем по мере того, как один за другим в зале суда выступали многочисленные свидетели, становилось ясно, что тут все не так просто. Вопросы отнюдь не уголовного порядка выступили в этой истории на первый план, заслонив самый факт хищения и требуя серьезного разговора.

Прежде всего что собой представляли оба обвиняемых? Саша С. и Володя Б. оказались недавними учениками интерната № 79, вспомогательной школы-восьмилетки для недоразвитых детей. Причина недоразвитости всех оканчивающих вспомогательную школу, можно сказать, одна и та же. Это пьянство одного из родителей, заведомо обрекающее ребенка на большее или меньшее приближение к тому, что в медицинской практике носит страшное название «идиотизм».

По окончании школы шестнадцатилетним ребятам рекомендовали «попробовать свои силы на подсобных работах», позабыв о том, что такая «проба сил» должна осуществляться под чьим-то постоянным чутким контролем. Но за ними не было никакого надзора. Они действовали самостоятельно и, конечно же, неразумно. Оказавшись в доме инженера Т., Володя и Саша совершили преступление каждый сам по себе, без предварительного сговора, как бы играя. Их действиями руководила не злая воля, а умственная отсталость, сочетающаяся с полным отсутствием представлений об этике.

Как же все-таки они оказались в доме инженера, почему вдруг оба решили обокрасть хозяина? Вот тут-то и предстала перед судом целая плеяда свидетелей, в чем-то разительно похожих друг на друга. Прежде всего дочь пострадавших, 15-летняя Люся. Полненькая, миловидная, с лицом капризного ребенка. Отличница. Гордость школы.

Люся и ее одноклассницы Люба и Галя случайно (на улице) познакомились с Володей и Сашей. Уличное знакомство, разумеется, не всегда плохое. Но тут, казалось бы, все было ясно. Встречаясь с ребятами, девочки вскоре заметили, что их новые друзья выпивают, узнали, что они нигде не учатся и не хотят работать. Однако девочек это совсем не насторожило. Как выяснилось, Володе Б. незачем было красть: драгоценности родителей Люся запросто «дарила» случайному знакомому.

— Однажды,— спокойно рассказывает Люся,— я пошла побродить по улице, надев цепочку с золотыми дубовыми листьями. Встретила Володю. Он сказал, что ему дубовые листья очень нравятся, и я разрешила поносить. При следующей встрече выяснилось, что Володя потерял золотые листья. Я пригласила его в гости. Он обещал «заглянуть».

Несколько дней спустя, прогуливаясь с Любой, я встретила Володю и Сашу. Я их снова пригласила, и мальчики согласились тут же пойти ко мне. Дома я сняла с пальца и подарила Володе золотой перстень с аквамарином. При этом присутствовала Люба. Мы развлекались, слушали музыку и выпивали. По какому-то делу мне позвонила Галя. Трубку снял Саша и пригласил ее присоединиться к нам. Галя не заставила себя ждать. Саша сам ее встретил и увел в другую комнату, а Любе пришлось уйти домой. Я осталась наедине с Володей и подарила ему взамен потерянной цепочку новую — с медальоном «золотые рыбки». Это моя собственная драгоценность: мне ее преподнесла приятельница.

— Ваша приятельница работает? — спрашивает судья Фаина Петровна Фурсова.

— Нет. Такая же школьница, как и я.

— Так, может быть, вещь не золотая?

— Что вы! — возмущается Люся.— Это же вполне приличная девочка. Ее подарок не подделка.

— Совершенно верно,— подает голос мать Люси.— Дочь говорит правду.

— На другой день,— продолжает Люся,— Володя с Сашей снова пришли. На этот раз я дала Володе мамину золотую цепь с медальоном «дева». Предупредила, чтобы вернул, когда цепь ему надоест. Вообще все, что у Володи нашли, я ему или подарила, или одолжила, дала поносить, сам он ничего не брал.

— А как же быть с тем обстоятельством, что одну из «одолженных» ему драгоценностей — цепь с золотым кулоном — Володя продал? — спрашивает судья.

— Неужели? — удивляется Люся.— А я думала, что все украшения он будет носить сам.

— А если бы он носил сам, то тогда все было бы правильно?

Люся капризно надувает губы, пожимает плечами.

— С моей стороны, все правильно. Мне нравилось общество Володи.

— И вам безразлично, что интересовало Володю — вы или украшения?

— Безразлично. А разве это так важно? — искренне изумляется Люся.

— А что же в таком случае важно? — в свою очередь, изумляется судья.

— Важно, что пришел, а не почему пришел,— убежденно высказывает девочка свое жизненное кредо.— Если симпатичный мальчик о чем-нибудь просит, разве можно отказать?

— Скажите,— продолжает Фаина Петровна,— когда Саша увидел вещи, подаренные Володе, он не просил вас подарить и ему что-нибудь подобное?

— Просил. Но я не согласилась. С какой стати?

— А когда обнаружили, что Саша несколько драгоценностей взял самовольно из шкатулки вашей матери, что вы подумали?

— Что он поносит их и отдаст. Я даже к нему приходила за этими вещами, но Саша был на рыбалке.

— Скажите,— все еще пытается понять Фаина Петровна,— что было вам так симпатично в Володе? Вас не смущала его умственная отсталость, ограниченность кругозора?

— Ограниченность?! — изумляется девятиклассница-отличница.— Мы всегда находили, о чем поговорить.

— О чем же, например?

— О фильмах. Иногда мы вместе ходили в кино, а потом обсуждали виденное.

— И ваши вкусы совпадали?

— Большей частью.

— Какие же фильмы нравились Володе?

— Когда стреляют.

— Вы тоже любите, «когда стреляют»?

— Не обязательно.

— Какие же все-таки вы предпочитаете фильмы? Может быть, назовете особенно любимые?

— У меня нет «особенно любимых».

— А много ли в вашем доме книг?

— Четыре полочки.

— Маловато для такой семьи. Вы их все прочли?

— Читала кое-что. Например, Куприна. Мне нравится «Гранатовый браслет». Есть такой фильм...

— А что еще написал Куприн?

— Не помню.

— Прочитанное вы тоже обсуждали с вашим другом?

— Конечно.

— И не чувствовали разницы в развитии?

— Никогда.

Не правда ли, какая цельная картина возникает из этого диалога: образец нравственной и интеллектуальной недоразвитости!

Но вот я беседую с преподавателями школы, где учатся девочки, и с изумлением обнаруживаю, что Люся не так проста, как хотела бы казаться. Выясняется, что она любимая ученица педагога, ведущего литературу в старших классах. Крупнейших русских писателей, в том числе Куприна, Люся знает чуть ли не наизусть, успешно представляет школу в районных олимпиадах по литературе, участвует в конкурсах на лучшего чтеца. Знакомлюсь с сочинениями Люси, которые мне показал завуч школы, и убеждаюсь, что отличные оценки выставлены Люсе справедливо. Она владеет пером почти профессионально. Из сочинения на тему «Живые забыть не смеют погибших за наше дело» узнаю, что нравственный идеал Люси — «веселая и отважная Зоя Космодемьянская» и все, кто «предпочитает смерть стоя жизни на коленях».

Как же все это увязать с ответами суду? Очень просто. Интеллектуальная недоразвитость умело разыграна, а вот моральная — налицо. Ее не скрыть, поскольку Люся просто вынуждена в некоторых случаях говорить правду. Она поняла: если суд установит, что она могла оценить умственную отсталость «друга», то ее роль «дарительницы» будет выглядеть весьма неприглядно. И решила: выставить себя неразвитой, даже слегка придурковатой. С таких, мол, какой спрос?

Каким образом эта девочка стала двуличной, где источник двойной морали? В классных сочине-

ниях, публичных выступлениях в школе — мечты о подвигах, о жизни, отданной людям. А после уроков покупка «расположения» понравившегося мальчика.

Несомненно, источник духовного опустошения Люси — в укладе жизни ее семьи, где отношения между дочерью и родителями строились на обмане и школы и общества. Ведь на работе глава семьи, инженер Т., весьма уважаем.

Начнем с того, что, отправляясь с дочерью в суд, мать сумела представить в школу медицинское свидетельство, в котором Люсе предписывался постельный режим, и ни словом не обмолвилась о подлинных причинах двухдневного отсутствия девочки на занятиях. Не меньшую «оперативность» проявил и отец. Он явился к директору школы, попросил аттестовать дочь как можно лучше, выдав характеристику ему на руки, и сказал, что этого требует его начальство.

— Зачем же понадобилась начальству характеристика вашей



несовершеннолетней дочери? — спросила изумленная директриса.

— Новая установка,— не моргнув глазом, объяснил папа. — Без этого больше не разрешают выезжать в заграничные командировки. Уж вы, пожалуйста, отзовитесь о Люсе как можно теплее, а то сочтут, что я неясен как отец, а таким лучше дома сидеть. Разве можно отца, распустившего дочь, отпускать за границу?

Директриса школы поверила этой легенде и выдала требуемую таинственным начальством характеристику.

Неизвестно, кому была предъявлена эта характеристика. Но по странному стечению обстоятельств она потребовалась гражданину Т. именно накануне суда.

Гражданка Т. не могла не понять, что дочь, пытаясь выгородить себя, прикидываясь придурковатой, обманывает суд. Однако она подтвердила все сказанное Люсей. И нисколько не удивилась странности ее суждений. Впрочем, взгляды мамы, пожалуй, не менее странны. Слушая ее, нельзя было не вспомнить о губительном действии пресловутой болезни — «вещизм».

Теннесси Уильямсу принадлежит фраза: «Обеспеченность—один из видов смерти». Так ли это? Думается, что не так. Все дело в том, как человек относится к собственной обеспеченности, для чего приобретает ту или иную вещь. Любить красивые вещи вовсе не зазорно. Но человек погиб, если купленная им вещь становится предметом ложно понимаемого престижа. Вот тут-то и возникает проблема «вещизма». Человек начинает гоняться за вещами, копит, приобретает и тут же снова копит и снова приобретает. А это беда. Даже в том случае, когда на такое «приобретательство» расходуются деньги, заработанные вполне законным путем. Из мира людей человек постепенно уходит в мир вещей, утрачивая самое ценное, что есть в людях,— человечность. Все, даже такие святые чувства, как дружба, любовь, рассматривается им с позиций купли-продажи, приобретает некий утилитарный оттенок.

Зараженные «вещизмом» могут быть людьми и неглупыми, разносторонне образованными. У них хватает ума сообразить, что их «слабости» не делают им чести. И тогда они пытаются, в меру своих способностей и возможностей, прослыть эстетами, коллекционерами. Кем угодно, только не одержимыми «вещевой» болезнью.

Иногда им даже удается обмануть общество, но только не собственных детей, которые чутко и болезненно реагируют на семейный микроклимат. А так как школа и коллектив учат совсем другому, ребенку, в свою очередь, приходится приспосабливаться. Так в раннем возрасте формируется двуличие: одна жизнь—это в школе, как говорится, на людях, другая — в семье или в кругу таких же, как ты...

Обо всем этом невозможно было не думать, слушая речи гражданки Т., а затем беседуя с классным руководителем Люси.

— Мы с мужем никогда не замечали за Люсей ничего предосудительного,— горячо убеждала мать.— Отличную учебу дочери я всячески поощряла. Говорила: сдашь экзамены в институт — все драгоценности подарю. А дружбу девочек с Сашей и Володей ни я, ни муж не одобряли. Однажды мы с дочерью вместе вышли из дома, а тут вдруг пьяный Саша. Совершенно пьяный. И к Люсе. Мы ей тогда же объяснили, что приводить таких мальчиков в дом нельзя. Я, конечно, знала, что на стороне она с ними встречается, но что пустит в дом — и мысли не допускала.

— Люся,— вспоминает ее классный руководитель,— то вела себя скромно и прилично, то вдруг ее начинало куда-то заносить и явно с одобрения родителей. В восьмом классе четырнадцатилетняя девочка проколола уши и стала появляться на занятиях с драгоценными серьгами великолепнейшей работы. Украшения не соответствовали ни возрасту Люси, ни общепринятым представлениям о скромном облике школьницы. Серьги сразу же выделили Люсю и в то же время отдалили от класса. Мы объяснили девочке всю неуместность этих драгоценностей: школьница и подобные украшения несовместимы. Еще рано ей «потрясать» серьгами матери. И она, казалось, согласилась с нами. Однако на следующий день появилась в тех самых серьгах, заявив, что мама все же «советует» их носить... Одним словом, мы бились больше месяца, пока не убедили Люсю ходить без серег, а вот ее маму так ни в чем не убедили: она до сих пор не поняла, почему ее ребенка лишили возможности щеголять прекрасными золотыми корзиночками. Однажды мы всем классом смотрели спектакль. Конечно, многие были без формы, в ярких, красивых костюмах, но у всех был соответствующий их юному возрасту свежий, естественный вид. И вдруг Люся, вся покрытая гримом, лицо, похожее на маску, вечерняя прическа-фантазия. Все это было так отвратительно—ведь девочка, школьница! — что даже не потребовалось вмешательства педагогов. Голос подали одноклассники: «Вот так измазалась! Ты лучше, когда почище». А родители считали, что к их дочери придираются, ей завидуют. Можно ли удивляться,—грустно заключает классный руководитель,— что при таком расхождении между семьей и школой в оценке того, что хорошо, а что плохо, Люся вынуждена была приспосабливаться, стать двуличной... А мы... мы поверили классным сочинениям и подчеркнуто скромному виду «новой» Люси, поскольку верить было куда приятнее, да и спокойнее, чем сомневаться. Казалось, что она все поняла...

Когда прокурор Зоя Михайловна Матвеева справедливо указала «пострадавшей» на нравственную нечистоплотность ее дочери, гражданка Т. парировала:

— А другие? Вы с другими поговорите. Чем Люся хуже?

Действительно, если говорить о свидетелях, выступавших по делу гражданки Т., то Люся не хуже. Верней, они не лучше: это та же Люся, но без драгоценностей. При всей несхожести внешности, повадок и даже пола свидетелей (среди них есть и юноши) кажется, что это все новые воплощения Люси.

Вот Галя. Хрупкая, рыжеволосая. И опять те же речи, то же нравственное убожество.

— Я хотела «дружить» с Сашей и стала сама приходить к нему. У нас в классе двадцать девочек, а мальчиков только шестнадцать.

— Это, что же, и определило ваш выбор «друга»?

Галя спохватывается.

— Я выбрала Сашу потому, что именно с ним мне нравилось делиться своими мыслями и сомнениями. Последнее время я советовалась с Сашей по всем вопросам.

Галя лжет. Отличница, человек начитанный, с несомненными ораторскими способностями, она, конечно, не могла советоваться с подростком, едва владеющим речью, с трудом подбирающим слова.

Перед одноклассниками Галя любила витийствовать. Она убеждала ребят: «Все, за что бы вы ни брались, нужно делать на совесть». А после школы встречалась с подвыпившим Сашей, составляла ему компанию за бутылкой вина, ничуть не заботясь о перевоспитании «друга».

Способствовала ли Галина семья воспитанию в ней двуличия? Безусловно. Иначе бы не могли мирно уживаться в девочке столь разные Гали. Все тот же «вещизм» был положен в основу взаимоотношений ее родителей. Достаточно сказать, что мать и отец Гали, поддерживая супружеские отношения, в то же время живут на разных квартирах. Почему? Да потому, что боятся, соединившись, потерять несколько метров площади.

Прекрасно зная, что дочь свободное время проводит в сомнительной компании, отец тем не менее запрещал ей ездить на летние каникулы в трудовой лагерь вместе с другими школьниками. Когда директор школы попыталась выяснить причину запрета, отец не постеснялся заявить ей: «Наша девочка слишком чиста и скромна для того, чтобы круглосуточно быть среди одноклассников, я опасаюсь, что ее развратят».

Директор школы так ничего и не добилась от этого блюстителя нравственности. А ведь она знала, что дело совсем не в «испорченности» школьников, а в нежелании надолго отпустить дочь с... садового участка. Как можно лишиться нескольких килограммов клубники?!

Казалось бы, совсем несхожие условия жизни в семье Люси и Гали. Но общее есть. Именно оно оказалось решающим в формировании моральных уродов.

Вслед за Галей дает показания десятиклассница Татьяна. Эта красивая, со вкусом одетая, не по возрасту взрослая девушка, тоже отличница. Она учится в вечерней школе, а днем работает лаборанткой в Институте прикладной математики. Мечтает поступить на математический факультет. Казалось бы, человек серьезный, самостоятельный. Но при ближайшем рассмотрении — копия Люси. Без тени смущения Татьяна заявляет, что она «друг» Саши и «в знак симпатии» сочла возможным принять от него подарок — драгоценный кулон с золотой цепочкой.

— А вас не смущало то обстоятельство, что Саша нигде не работает, что он умственно неполноценен? — спрашивает судья.

— Неполноценным я его не находила,— лицемерно вздыхает Татьяна.— А что нигде не работает, знала и, конечно бы, не взяла кулон, да только Саша сказал, что иначе выбросит. Так уж лучше принять подарок. Не люблю, когда вещи зря пропадают...

Татьяну сменяет Анатолий, рослый, элегантный юноша. В прошлом году он успешно окончил десятилетку, работает в научно-исследовательском институте, собирается заочно учиться в университете. Анатолий рассказывает, как он купил у Володи один из подарков Люси — золотую цепь стоимостью около 200 рублей, заплатив за нее 2 рубля 50 копеек.

— Почему же именно два рубля пятьдесят копеек? — спрашивает Фаина Петровна Фурсова.

— У меня с собой больше не было. Это сумма, которую я ежедневно трачу на личные расходы, а у Володи карманных денег много, ему бабушка свою зарплату отдает. Он вообще не собирался продавать цепь: пришлось его долго уговаривать.

— Ну и как, уговорили?

— Уговорил. Володя снял цепь и отдал мне. Денег же вообще не спрашивал, я бы мог взять бесплатно, но, как принципиальный человек, отдал другу два рубля пятьдесят копеек — все, чем располагал.

— А вас не смущало, что эта «дружеская» сделка совершается с человеком умственно отсталым?

— Ну, это как посмотреть. Если находится девушка, готовая дарить драгоценности Володе, то чем я хуже? Она — ему, он — мне...

Анатолий покидает зал суда, явно довольный собой. И вот слово берет прокурор... Александр С. и Владимир Б. виновны: один совершил кражу, другой — мошенничество. Суд удаляется на совещание и выносит приговор: два года заключения. Казалось бы, не так много. Восемнадцати лет оба подсудимых окажутся на свободе. Кем будут те люди, с которыми столкнет их жизнь? Помогут ли они раз оступившимся достойно пользоваться этой свободой? Ведь до сих пор ни один из умственно полноценных людей, с которыми общались обиженные природой парнишки, ничего не сделал, чтобы предотвратить преступление, а многие, из числа все тех же умственно полноценных, оказались прямыми растлителями. Будем надеяться, что Саша и Володя еще найдут достойных наставников и друзей, которых им так не хватает.

* * *

После суда прошло немало времени. С девочками серьезно беседовали в школе. С их родителями — тоже. Насколько действенным был этот разговор?.. Люся теперь вновь демонстративно появляется на уроках все с теми же драгоценностями...

МОНРЕАЛЬ РЯДОМ

Всеволод **КУКУШКИН**





17 июля над монреальским стадионом вспыхнет огонь и начнется XXI летняя Олимпиада.

Торжественная церемония рождения олимпийского огня давно уже стала традиционной. Греческая актриса Мария Масколиу зажжет факел с помощью линзы в оливковой роще в Олимпии, а когда прозвучит олимпийский гимн и государственные гимны Канады и Греции, первый участник эстафеты с факелом в руках устремится к Афинам. Более пятисот бегунов пронесут олимпийский огонь по дорогам Греции, а затем с помощью специальной аппаратуры пламя будет преобразовано в электронный импульс и через спутник связи передано в столицу Канады. 16 июля огонь прибудет в Монреаль, город, к которому на две недели будет приковано внимание любителей спорта во всем мире. Последнюю ночь перед открытием Игр олимпийский огонь проведет на горе Маунт-Роял, высшей точке города, откуда открывается вид на центральные магистрали Монреаля, гигантский порт и места будущих соревнований.

Многое изменилось в мировом спорте за те четыре года, которые пролетели со времени XX Олимпийских игр в Мюнхене. Установлено немало мировых рекордов, появились выдающиеся спортсмены, оттеснившие на задний план олимпийских чемпионов и заявившие о себе как о претендентах на высшие награды в Монреале.

В этом канадском городе сейчас вырос большой спортивный комплекс. Но в каких муках рождался он! Лишь за четыре месяца до открытия Олимпийских игр канадцы смогли объявить, что спортивная стройка вошла наконец в график. Много препятствий возникло на пути строителей. Рост дороговизны повысил стоимость сооружений на много миллионов долларов, забастовки рабочих сорвали все установленные сроки, и был момент, когда и деятели Международного Олимпийского комитета и представители международных спортивных федераций начали высказывать опасения в том, что олимпийские арены не будут готовы в срок.

Главный Олимпийский стадион, спроектированный во Франции, по замыслу его создателей, должен был стать последним словом в области спортивного строительства. Архитектор стадиона Роже Тайибер хотел создать уникальное сооружение, предельно удобное и для спортсменов и для зрителей. Фотографии макета стадиона можно было встретить в различных журналах и специальных проспектах, но в действительности он выглядит не столь привлекательно. Из-за нехватки времени и средств главная арена оказалась без башни, в которой должны были разместиться специальные механизмы для укладки прозрачной пластиковой крыши. Пришлось отказаться и от некоторых подсобных помещений, а в последний момент выяснилось, что оградительная бетонная стенка выше на 51 сантиметр и поэтому около десяти тысяч зрителей не смогут увидеть, что происходит на арене. Вот и пришлось пойти на новые, непредвиденные расходы, чтобы срезать эти лишние метры бетонных ограждений.

Только сейчас завершается строительство олимпийского бассейна, уж очень сложной оказалась его конструкция. Пуск воды в бассейн был обставлен очень торжественно, на открытие получили приглашение журналисты, но церемония едва не закончилась катастрофой: обрушилось несколько балок перекрытия крыши.

Еще нынешней зимой фотографии, присланные из Монреаля, вызывали большую тревогу. Трудно было представить себе, что это нагромождение бетонных конструкций к лету станет спортивными залами и стадионами. Невольно вспоминалась история строительства монреальского велотрека, одного из первых олимпийских сооружений, которое должно было вступить в строй еще два года назад. Тогда из-за всяческих неурядиц велотрек не был готов, и канадцам пришлось проводить первенство мира на старом треке.

Теперь как будто бы есть основания рассчитывать на то, что Олимпийские игры в Монреале можно будет провести, но и участников и зрителей все равно ждет немало неудобств. Игры в Монреале не будут «Олимпиадой малых расстояний»: от одних спортивных арен до других дистанция немалая, и хоть организаторы и обещают наладить бесперебойные челночные рейсы автобусов, но пробки на улицах могут затруднить переброску и спортсменов и журналистов. А к этому неизбежно прибавится теснота, с которой столкнутся спортсмены в Олимпийской деревне.

Пирамидами возвышаются над Монреалем высокие здания, которые только по традиции можно назвать «деревней». В этих домах должны будут поселиться 11 328 участников и сопровождающие их официальные лица. Журналистам показали несколько квартир Олимпийской деревни. В каждой комнате будут жить от трех до шести человек, и кровати устанавливаются в два яруса, как в казарме.

Узнав об этом, руководители английской команды приняли решение поселить своих атлетов не в Олимпийской деревне, а где-нибудь в стороне, в пригороде, с таким расчетом, чтобы спортсмены жили по двое в комнате. Подобное желание, конечно, не является капризом. Олимпийские соревнования требуют предельного напряжения не только физических, но и нервных сил, поэтому отдыху спортсменов придается особенно большое значение. Но если англичане образуют свою отдельную «деревню», то они окажутся в стороне от той дружеской атмосферы, которая создается на Олимпийских играх.

Как и обычно, тщательно продумана система питания. В Олимпийской деревне закончено строительство четырех огромных столовых. Мэр деревни Ивон Дюбуа объявил, что спортсмены будут иметь возможность пользоваться четырьмя разнообразными меню. В суточный рацион всех олимпийцев будет входить 132 тонны мяса, 28 тонн дичи, 25 тонн рыбы и 350 тонн свежих фруктов.

4196 человек будут обслуживать жителей Олимпийской деревни, и

это не считая военных, обеспечивающих безопасность участников соревнований.

Как и на всех предыдущих Олимпиадах, участники парусной регаты разместятся отдельно. Старт яхтам будет дан на озере Онтарио.

Пока организаторы Олимпийских игр занимаются доводкой спортивных сооружений, проверкой различной сложной аппаратуры, во всех концах мира идет окончательное формирование сборных команд. Конечно, наибольшее внимание обращают на себя так называемые «узловые» виды спорта, которые дадут наибольшее число призовых медалей. Легкоатлеты разыграют 37 комплектов медалей, пловцы—26, гимнасты — 14, боксеры — 11, борцы вольного и классического стиля — по 10.

В легкоатлетической программе не произошло больших изменений, исключена лишь ходьба на 50 километров, а из плавания исключены три номера. Олимпиада войдет в историю мирового спорта как первая, в которой выступят женские гандбольные и баскетбольные команды, женские экипажи в академической гребле.

В заявку на участие в Олимпийских играх могут быть включены только те спортсмены, которые выполнили олимпийские нормативы. Интересно, что вместе с анкетами, отправленными из Монреаля в национальные Олимпийские комитеты, имелись и вопросы телевизионной компании Си-би-эс, которая хотела знать о спортсменах все, начиная от цвета их глаз и кончая кругом интересов. «Мы хотим расцветить наши репортажи так, чтобы любители спорта, у которых стоят дома черно-белые телевизоры, получили максимально красочное впечатление от увиденного и услышанного», — писали тележурналисты.

Крупнейшие спортивные обозреватели заняты сейчас составлением ориентировочных прогнозов. Они изучают результаты, показанные спортсменами, и вносят в них олимпийские поправки. В ряду основных кандидатов на золотые медали в легкой атлетике мы встречаем и несколько советских спортсменов. Высоко котируются возможности двух двукратных олимпийских чемпионов — спринтера Валерия Борзова и Виктора Санеева, выступающего в тройном прыжке. Шансы Санеева сейчас особенно возросли, потому что его главный соперник бразилец Жоао ди Оливейра, установивший в прошлом сезоне новый мировой рекорд — 17 метров 89 сантиметров, заболел и врачи запретили ему выступать в течение тех месяцев, что остались до открытия Олимпиады.

По-разному готовятся спортсмены к предстоящим стартам, одни предпочитают уединение, другие— азарт переполненных стадионов. Одни отмалчиваются, а другие не стесняются выступать с многообещающими заявлениями. Так, рекордсмен мира в барьерном беге на 110 метров француз Ги Дрю раскритиковал всех своих потенциальных соперников: одни, по его мнению, не очень хорошо стартуют, у других слабый финиш, а третьи не выдерживают ритм при прохождении барьеров. Однако, когда дело дошло до конкретных имен, Дрю все же назвал восемь бегунов, способных посягнуть на золотую олимпийскую медаль.

Старший тренер сборной команды США по легкой атлетике Лерой Уокер тоже не проявил большой последовательности. Сперва он заявил, что американские легкоатлеты на Олимпийских играх будут самыми сильными, но затем, видимо, поразмыслив и сопоставив факты, совершил поворот на 180 градусов и с горечью заявил, что может случиться и так, что его команда вернется домой с самым малым олимпийским грузом за все годы. Уокер заявил, что основными соперниками американцев будут легкоатлеты СССР, ГДР и ряда африканских стран.

Еще в 1968 году, во время Олимпиады в Мехико, американские журналисты не без основания утверждали, что для пловцов США дно бассейна выложено золотом. Они не отказались от этого утверждения и через четыре года в Мюнхене, и действительно, Марк Спитц сумел победить во всех заплывах, где он стартовал, и получил 7 золотых олимпийских наград. Но теперь Спитца не встретишь в бассейне, а его преемник Тим Шоу оказался гораздо скромнее по своим возможностям. Сейчас в сборной по плаванию сложилась довольно напряженная обстановка. В ней нет явных лидеров, и те, кто претендует на эту роль, не ладят между собой. Результаты, показанные на первенстве США в апреле, не слишком высоки, а англичане Дэвид Уилки и Брайан Бринкли, обучающиеся в США, потеснили американцев с пьедестала почета. Рассчитывают на призовые медали по традиции и австралийские пловцы — мировые рекордсмены в плавании на 800 и 1500 метров Стив Холланд и Дженни Туррал. Очень сильна женская сборная ГДР, которая год от года пополняется «чудо-малышками», уже в четырнадцать лет устанавливающими мировые рекорды. Наша команда возглавляется такими опытными мастерами, как Владимир Буре и Николай Панкин.

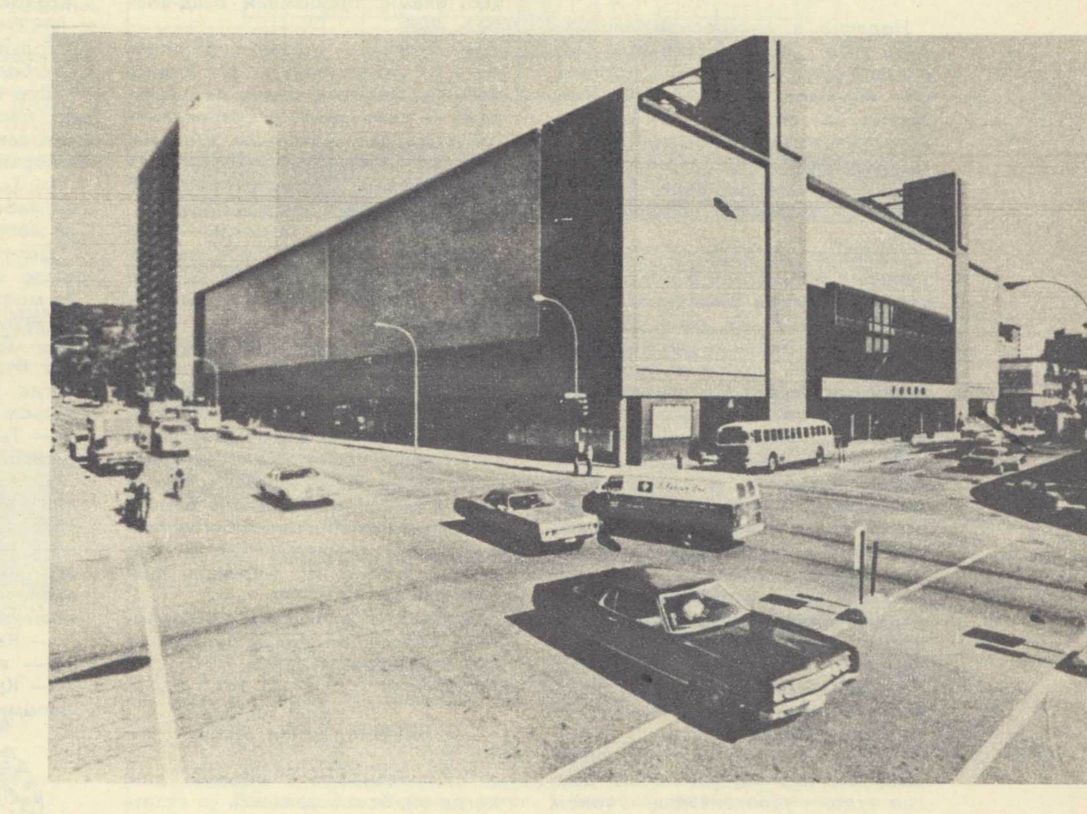
Сложная ситуация возникла в гимнастике. Доктор Геншер из ФРГ попытался составить таблицу распределения мест в командном зачете. Геншер считает, что у женщин успех должен сопутствовать сборной СССР, а у мужчин — японцам. Правда, эксперт отметил прогресс советских гимнастов и предупредил, что их результаты могут превзойти все ожидания.

Если командная победа в женской гимнастике отдается спортсменкам СССР, то в личном зачете большие шансы имеет 14-летняя румынка Надя Команечи — абсолютная чемпионка Европы. Но никто не пытается сбрасывать со счетов Людмилу Турищеву и Ольгу Корбут. Сама Команечи заявляет, что ее главная соперница — Корбут. А вот чемпионка ГДР Гитта Эшер утверждает, что эталоном современной гимнастики нужно считать Людмилу Турищеву с ее абсолютной выразительностью движений, богатым арсеналом сложных элементов и виртуозностью исполнения программы.

Много интересного ждет зрителей на ринге, на баскетбольных площадках и штангистском помосте, а пока идут отборочные соревнования и напряженные тренировки. Время рассчитано до одной минуты. Монреаль рядом!



Монреаль — столица XXI Олимпийских игр. Этот снимок сделан с горы Маунт-Роял.



В зале «Форум» будут проводиться соревнования гимнастов, баскетболистов, волейболистов и боксеров.

ПОГУДКИ ПРЕДЛЕТЬЯ

С. ДУБРАВА

ГОВОР ВОД

Недавно в воскресное апрельское утро меня навестил мой давнишний друг из Киргизии Арстамбек Алыбаев, ученый-медик. Навестил не случайно. Он решил воспользоваться командировкой и посмотреть наш северный ледоход, о необыкновенной красоте которого я ему не раз рассказывал.

Наскоро позавтракав, мы тронулись в путь. Ехали быстро и спустя час-полтора были уже около большой излучины реки. Оставив машину на окраине деревни, мы по размытой дорожке подошли к самому берегу. По всему чувствовалось, что река, вбирая в себя воды многочисленных ручьев, уже набухла, кое-где на льду были заметны промоины. А из-подо льда доносился глухой, переливчатый рокот воды. Начался вешний говор вод — увертюра к ледоходу.

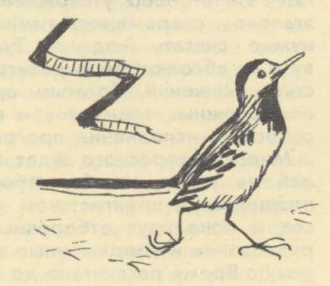
— Ледоход начнется, если, конечно, с погодой все будет в порядке, через пять-шесть дней,— заключил я после некоторого раздумья.

— Как жалко,— искренне огорчился Арстамбек,— я ведь через три дня должен уехать.

— Не огорчайся, ты сейчас увидишь, вернее, услышишь другое чудо,— успокаивающим тоном произнес я и попросил его спуститься на лед.

Осторожно ступая по льду, мы подошли к одной из промоин, что была близ известного мне крутояра. Здесь наиболее отчетливо слышался подледный голос воды. Я попросил Арстамбека остановиться. Через минуту, пораженный сказочной музыкой воды, он опустился на колени и нагнулся ко льду. Я наблюдал за его лицом. Вначале оно было сосредоточенно спокойным, потом выразило удивление, затем восхищение и, наконец, засветилось светом глубокой радости и одухотворенности. Наконец, он поднялся, и мы вышли на берег.

Я заметил, как на то место, где мы только что были, прилетело несколько трясогузок. Они, семеня ножками и часто покачивая хвостиками, пробежали взад-вперед.



— Знаешь,— сказал я, обращаясь к Арстамбеку,— я, видно, ошибся. Ледоход будет не через пять — семь дней, а скорее всего через два, максимум три дня.

— Это хорошо,— обрадовался Арстамбек.— Но как ты узнал об этом?

— Трясогузки помогли,— указал я на птичек.— Они в народе ледоломками зовутся. И не зря! Они прилетают к нам в самый канун ледохода.

Арстамбек посмотрел с каким-то недоверием на птичек, которые сделали еще несколько пробежек по льду и, легко вспорхнув, улетели. И тут же донесся едва слышный треск, словно отголосок далекого грома. И мы увидели, как на льду наискосок от одного берега к другому пролегла глубокая трещина. Она прошла через то место, где только что побывали трясогузки.

Я улыбнулся: ледоломка сработала. Видать, не зря в народе ее таким именем нарекли.

ПЕРВЫЕ ДАРЫ ЛЕСА

Прекрасен лес в первые дни, когда он, освободившись от остатков снега, еще оголенный, стоит в ожидании нового зеленого убранства. Воздух, согретый солнцем, наполнен запахами талой земли, прелых листьев, душистой хвои. Но сквозь этот букет запахов все отчетливее улавливается тонкий аромат свежей зелени. Он струится из набухающих почек берез, лип, пушистых желтых сережек осин, ольхи, орешника, от едва заметных усиков травинок, уже проклюнувшихся из земли.

Дед Егор, вдыхая полной грудью запахи апреля, бодро шагает впереди внука по лесной тропе.

— Скоро, дедушка, мы придем?— уже в который раз нетерпеливо спрашивает Витя.

— Сейчас,— ответил дед, всматриваясь в песчаный пригорок, на котором росли могучие сосны.— Мы уже пришли. Смотри теперь внимательно.

Первый гриб, конечно, заметил внук. Ликованию его не было границ. И дедушка, пряча улыбку в усах и бороде, радовался этому успеху внука.

Корзинка вскоре стала наполняться. В ней уже лежало десятка два-три грибов с округлыми морщинистыми шляпками желтовато-коричневого цвета.

— Хватит,— заключил дед,— жаркое доброе будет.

— Сейчас,—откликнулся внук,— я только сорву еще один. Ой, какой большой!

Дед взял у внука гриб, тщательно посмотрел его, понюхал, затем завернул в бумагу и положил в корзину.

— Теперь домой,— посмотрев на небо, сказал дед.— А то гроза может застать.

Домой они пришли, когда уже стало темнеть. И тут же сверкнула молния, вдали загрохотало. Витя испугался и прижался к деду.

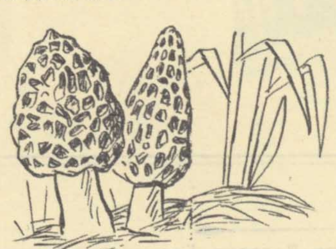
— Дедушка, а почему ты узнал, что будет гроза,— спросил Витя, когда раскаты грома стали удаляться.

— Ты мне помог, когда нашел большой гриб. Вот смотри...

Дед взял из корзины гриб и повел внука в затемненный угол комнаты. Там он развернул бумагу, и перед глазами мальчика его находка заискрилась таинственными голубовато-красноватыми огоньками.

— Какой красивый гриб, дедушка!— воскликнул внук.

— Красивый, но очень опасный. Запомни это!



Дед рассказал внуку, что гриб стал старым и что искрится, собственно, не он сам, а маленькие живые организмы, которые появляются в большом количестве, когда гриб начинает разлагаться. Эти микробы, которых называют «ночными малютками», сильнее всего начинают светиться перед грозой. Вот поэтому старые «горящие» сморчки являются предвестниками грозы.

— А,— понимающе закивал головой малыш.— А есть их можно?

— Ни в коем случае. Старые, с «ночными малютками», очень ядовиты. Можно есть только молодые сморчки и то лишь после хорошей проварки. Вот этим мы сейчас и займемся.

ВЕСЕННИЙ ЛИСТОПАД

Осень. Листопад. Золотая пора. Сколько о ней написано восторженных слов! Сколько волнений душевных она вызывала! Но в этой прекрасной очаровательной поре всегда присутствует грустная нотка. Она слышится в шорохе падающих листьев, в порывах прохладных ветров, в гулком шуме участившихся дождей, средь струй которых уже начинают порхать «белые мухи». Она слышится в дыхании предстоящей зимы с ее морозами и снегами, когда наши зеленые друзья погружаются в долгий сон, когда тишина лесов лишь изредка нарушается голосами, порой тревожными, зимних птиц.



Другое дело — весенний листопад. Это листопад жизни, тепла, цветения. Сколько очарования, сколько теплых чувств вызывает он!

Конец апреля. Я забрел в небольшую рощу. Молодые, но уже окрепшие дубы долгую зиму не расставались с золотистой, высохшей на морозе листвой. Они, словно помня, что их далекие предки были вечнозелеными, сохраняли листья до теплой поры, чтобы, сбрасывая ее, тут же раскрывать почки, в которых уже пробудилась новая жизнь.

Размышляя об этом, я внимательно наблюдал за тем, как с каждым порывом теплого ветра, который, казалось, со всех сторон пронизывал рощу, падали к моим ногам сморщенные, но не потерявшие своих очертаний желто-коричневые листья. Шум ветра и шорох падающих листьев, запах сырой земли и пробивающейся зелени, блики солнечных лучей и голубого неба — все это в каком-то одухотворенном переплетении наполняло мою душу, заставляло во всю силу колотиться сердце...

Я вышел из рощи и обернулся. Листьев на деревьях, хотя листопад продолжался с неослабной силой, было еще много. Только стоявший поодаль от рощи дубок был уже совсем оголен. Ветер здесь погулял на славу. Лишь на самой макушке я заметил один лист: он, несмотря на сильные порывы ветра, еще держался. И вдруг он отделился от ветки и мягко стал падать на землю.

СЛАДКИЕ СЛЕЗЫ БЕРЕЗ

Как-то накануне выходных дней позвонил лесничий из пригородного хозяйства, который уже давно хотел угостить меня, как он говорил, настоящим березовым соком. И теперь он решил выполнить свое обещание.

— Завтра, не позже семи утра, прошу быть в березовой роще, что за Черной балкой...

В назначенный срок я был на месте. Прошел взад-вперед по известной мне тропинке, но нико-



го не увидел. Я решил свернуть влево, где виднелась купа тесно прижавшихся друг к другу берез. Действительно, здесь я и обнаружил лесничего. Лицо его было хмурым. Он хлопотал около одной из берез, замазывая воском неловко сделанные на стволе надрубы.

— Топором работают,— поздоровавшись, раздражительно произнес лесничий.— С десяток берез попортили. Но я знаю, кто это. Сегодня же доберусь до них.

Лесничий рассказал, когда и как следует делать отверстие в стволах берез, чтобы насладиться душистым целебным напитком и в то же время не повредить дереву. Ведь надрубы топором, да еще по нескольку на одном стволе, приводят к настоящим потокам слез. И сколько тогда почек не раскрывается, сколько веток засыхает!

— А теперь пошли,— излив душу, оживился лесничий.

Вскоре мы были около березы, под которой стояла большая деревянная чаша, наполненная до краев прозрачной жидкостью, едва тронутой тонкой ледяной коркой.

— Казалось бы, проще простого,— сказал лесничий, осторожно поднимая чашу.— Пробил небольшое отверстие, вставил лоток, и пей себе на здоровье. А попил, вытащи лоток и замажь отверстие воском или глиной. И тебе хорошо, и дерево не в обиде.

Лесничий продолжал говорить, а я, поднеся к губам деревянную чашу, мелкими глотками пил прохладный сок. Мне казалось, что ничего подобного в своей жизни я никогда не пробовал. Глоток за глотком я пил, бережно сжимая сосуд, из которого струилась солнечная, животворная, кристальной чистоты жидкость, с тонким, душистым ароматом.

Настоящий березовый сок, весь его аромат, сказал лесничий, можно ощутить, лишь пробуя его утром после ночного заморозка и непременно из деревянного сосуда.

Когда мы прощались, я поблагодарил лесничего за доставленную радость, за подаренное им чудесное, одухотворенное соком березы апрельское утро. Он застенчиво улыбнулся и пообещал, что летом непременно угостит меня настоящим квасом из березового сока — квасом бодрости и здоровья.

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

БОЛЕЛЬЩИКИ

Юрий Петрович Селезнев сидел у своего приятеля Овчинникова и смотрел по телевизору футбол. Когда динамовцы забили гол «Спартаку», Селезнев с досадой погасил сигарету и выключил телевизор.

— Переживаешь? — сочувственно спросил Овчинников, включая телевизор. — Я и не знал, что ты такой болельщик.

— Да не я! — махнул рукой Юрий Петрович. — Начальник мой за «Спартак» болеет. Ох и будет мне теперь завтра нагоняй!

— За что?

— Почем я знаю? За что-нибудь да будет! Когда «Спартак» проигрывает, весь наш отдел по струночке ходит! Поверишь, на полчаса нельзя на работу опоздать. Сразу выговор! В другие дни хоть к обеду являйся, в домино целый день играй — ни словечка не скажет. Душа человек! Образец деликатности! А тут сразу тигром становится.

Через некоторое время «Спартак» сквитал счет, а потом и вперед вышел. Юрий Петрович от огорчения так кулаком по столу хватил, что комментатор потерял дар речи.

— Черт знает что такое! — выпалил Селезнев. — Мальчишки! Играть не умеют!

— Я тебя не пойму, — удивился Овчинников. — То ты за «Спартак» болеешь, то за «Динамо»!

— Поклонница «Динамо» — моя жена, — махнул рукой Селезнев. — Теперь лучше домой не показывайся! Котлеты будут



подгоревшие, суп вообще несъедобный! Да еще накричит на меня и заставит генеральную уборку делать.

— А что ж теща ее не одернет?

— Теща у меня за «Локомотив» болеет.

— Да, туго тебе приходится, — посочувствовал Овчинников.

— Конечно, туго! Скажем, если «Торпедо» проиграет, то я к своему мастеру в парикмахерскую не пойду. Он в этот день всех без разбору под нулевую ничью стрижет. Когда вдруг у киевлян осечка выходит, у нас во всем доме воды горячей нет. У истопника настроение портится. Хорошо еще, что это редко случается. Ну, а если ЦСКА...

Не успел Юрий Петрович фразу закончить, как комментатор объявил:

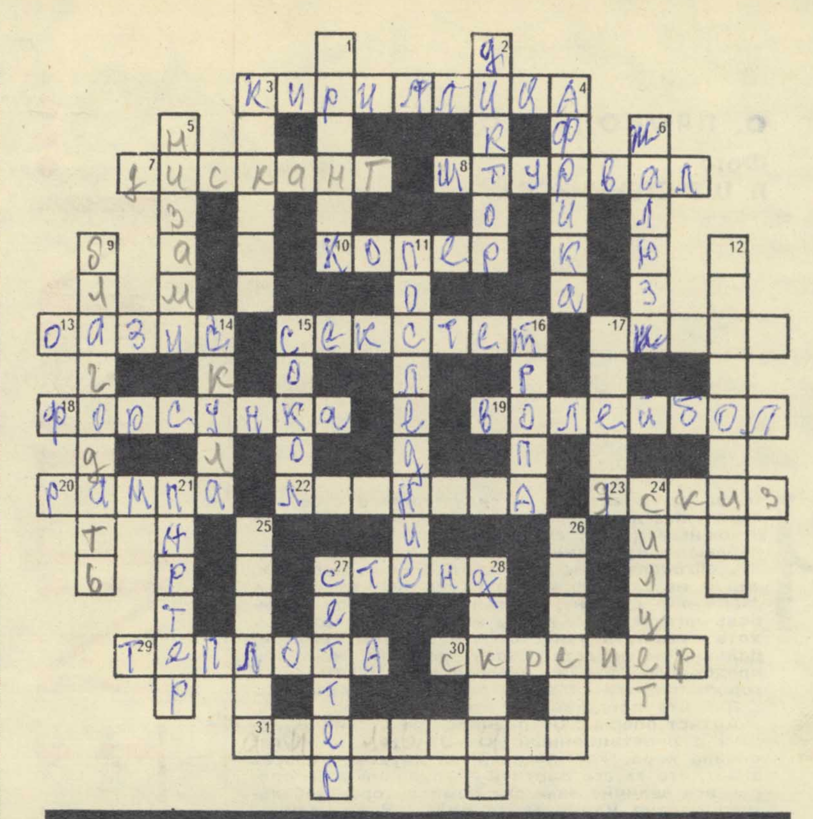
— Только что поступило сообщение. Московские армейцы проиграли...

Селезнев в сердцах выкинул в форточку пачку сигарет, рванул на себе ворот рубахи и сдавленно сказал:

— Теперь из-за сына неприятности будут! Завтра же учитель в школу вызовет, снова отчитывать станет...

— Разве твой сын за ЦСКА болеет? — спросил Овчинников.

— Да не сын, а его учитель! — вздохнул Юрий Петрович, нахлобучил на голову шляпу и понуро побрел домой, навстречу грядущим неприятностям.



КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Азбука старославянского языка. 7. Высокий детский голос. 8. Рулевое колесо. 10. Сооружение над шахтой. 13. Участок в пустыне с растительностью и водой. 15. Ансамбль из шести музыкантов. 17. Пресноводная рыба. 18. Устройство для распыливания жидкого топлива. 19. Спортивная игра. 20. Барьер вдоль авансцены. 22. Город в Польше. 23. Набросок чертежа, рисунка. 27. Щит для экспонатов. 29. Форма движения материи. 30. Землеройно-транспортная машина. 31. Южное плодовое дерево.

По вертикали: 1. Поэма Т. Г. Шевченко. 2. Работник радиовещания. 3. Электронная лампа. 4. Материк. 5. Азербайджанский поэт XII—XIII веков. 6. Многостворчатые ставни. 9. Гора на Среднем Урале. 11. Пьеса М. Горького. 12. Медицинский инструмент. 14. Действующее лицо оперы А. П. Бородина «Князь Игорь». 15. Хищная птица. 16. Узкая дорожка. 17. Река в США. 21. Часть зрительного зала. 24. Выпуклое изображение на плоскости. 25. Роман Н. Г. Чернышевского. 26. Порт на берегу Адриатического моря. 27. Порода собак. 28. Французский философ XVII века.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали: 5. Мухина. 6. «Гамлет». 9. Астрахань. 10. Фарфор. 12. Январь. 14. Астат. 16. Ягуар. 18. Сопка. 19. Пуловер. 20. Почта. 21. Конус. 23. Гроза. 25. Скачки. 27. Скирос. 28. Руставели. 29. Кимоно. 30. Мережа.

По вертикали: 1. Амударья. 2. «Светлана». 3. «Антар». 4. Ладья. 7. Утка. 8. Ватт. 11. Одуванчик. 13. Напильник. 15. Торонто. 17. «Репка». 18. Сурик. 20. Пластика. 22. Сыроежка. 23. «Гуси». 24. Алей. 26. Ирина. 27. Ситец.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Опера М. П. Мусоргского «Борис Годунов». * Балет А. И. Хачатуряна «Спартак». * Государственный академический Большой театр Союза ССР. * Опера С. С. Прокофьева «Война и мир». * Балет А. Адана «Жизель».

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Г. Калинина исполняет партию Татьяны в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин». * Б. Акимов в роли Курбского (балет С. С. Прокофьева «Иван Грозный»). * Раймонда — Е. Рябинкина. * Опера Д. Верди «Аида». В роли Амнерис — Г. Борисова. * М. Касрашвили исполняет партию Графини в опере Моцарта «Свадьба Фигаро».

Фото А. Невежина и Н. Рахманова
(из готовящегося в издательстве «Планета» альбома «Большой театр СССР»).

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

**Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.**

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/V — 1976 г. А 00663. Подп. к печ. 18/V — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1239. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2203.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

О. ПРОКОПЕНКО

Фото
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

РЕПЕТИЦИИ, РЕПЕТИЦИИ...

Что за притягательную силу таят в себе театральные подъезды! Вот вы торопитесь по неотложным делам: спустились по Петровке, перебежали Кузнецкий мост... Скорей, скорей!.. Вы обгоняете, вас обгоняют. Спина, профиль; лиц и не заметишь. Но вдруг кто-то рядом свернул в сторону, потянул дубовую дверь Большого театра... И вам мгновенно захотелось хоть чуть-чуть увидеть: что же там, внутри? Дальше вы пойдете своей дорогой, пытаясь представить, что за человек шел рядом, куда торопился, кто он в театре, чем занимается...

Давайте представим, кто бы это мог быть.

Артист оперы... Он поднялся по лестнице, вошел в репетиционный зал. Пусть это будет спевка хора, где каждый из двухсот голосов знает, что за его партией — звучание всей оперы, все величие замысла композитора. Небольшая партия или главная роль... В спектаклях Большого театра нет незначительных, второстепенных звеньев. И начинающий певец и заслуженный мэтр вокала распеваются на бесконечных упражнениях, отрабатывая с педагогом каждую строчку нотного текста. А впереди тонкая и кропотливая работа с дирижером: он соединит голос оркестра и голос певца в единый музыкальный образ, который возьмет в свои руки режиссер. И тогда-то, после новых репетиций, после новой общей работы, на сцене родится опера — живая жизнь, воплощенная в музыке и прекрасном человеческом голосе...

Сейчас театр возрождает одну из жемчужин русской классики: главный режиссер театра Борис Александрович Покровский восстанавливает оперу Н. А. Римского-Корсакова «Садко». В труппе — полная мобилизация: трехчасовые репетиции отнимают больше сил, чем любой, самый трудный спектакль.

На сцене во время репетиции ассистентами постановщика становятся рабочие, осветители. Они строят будущий облик спектакля; сцена будто ядро, к которому тянутся тросы из машинного подземелья, канаты с колосников, слепящие лучи софитов из-за кулис, от рампы... Громкие команды летят, кажется, не имея точного адреса, но безошибочно находят тех, к кому они обращены. Для постороннего тут творится нечто вроде вселенского хаоса, для театра же — повседневная, четко организованная работа.

В кулисах ждут своей очереди солисты, хористы, мимический ансамбль... Голос режиссера, сидящего в партере, раздается из динамика, как клич главнокомандующего. Сколько раз остановит оркестр дирижер Юрий Иванович Симонов, сколько раз сорвется со своего кресла Б. А. Покровский, прерывая солистов, вновь сводя и разводя артистов хора, миманса... Сколько раз повторит каждый певец свою партию...

Предугадать ход репетиции невозможно. Ведь репетиция — это рабочий процесс, долгий и неумолимо трудоемкий.

Но, может быть, рядом с вами шел не певец, а танцовщик? Тогда он, переодевшись в тренировочное трико и натянув на ноги толстые шерстяные чулки, накинув халат, набросив полотенце на шею, поднимается на «класс». Тут они стоят все вместе — известнейшие премьеры и кордебалет,— у палки, вделанной в стену: как в школе, ждут задания. Асаф Михайлович Мессерер тихо произносит несколько французских слов — названия па. Музыка дает ритм. И все спокойно, привычно выполняют поначалу вроде бы несложные движения. Потом еще, еще, еще... Педагог-репетитор постепенно включает в работу все новые мышцы танцовщиков: каждая комбинация становится кусочком танца, где все должно утвердиться, запомниться в руках, ногах, корпусе артиста: это как в детстве, когда учат составлять слова в предложения.

Сейчас, судя по тому, что наш «знакомый» тщательно вытирает полотенцем льющийся по лицу пот и благодарит Асафа Михайловича, урок закончен. В лифте ему встречаются коллеги из классов Марины Тимофеевны Семеновой, Галины Петровны Петровой, Льва Александровича Поспехина. Корифеи дают танцовщикам заряд мастерства на весь сегодняшний день.

Солисты пойдут в залы репетировать (который раз!) свои труднейшие партии, кордебалет — вновь и вновь выверять синхронность перестроек «лебедей», «воинов»... Два-три часа надо работать с полной отдачей...

А может быть, мы вошли в двери Большого театра вслед за музыкантом из оркестра или артистом миманса? Разве угадаешь дело, за которое возьмется он в театре? Всякая работа здесь равно особенна и равно обычна.

И всякому спектаклю предшествуют репетиции, репетиции и снова репетиции. Чтобы на сцену вышел артист.

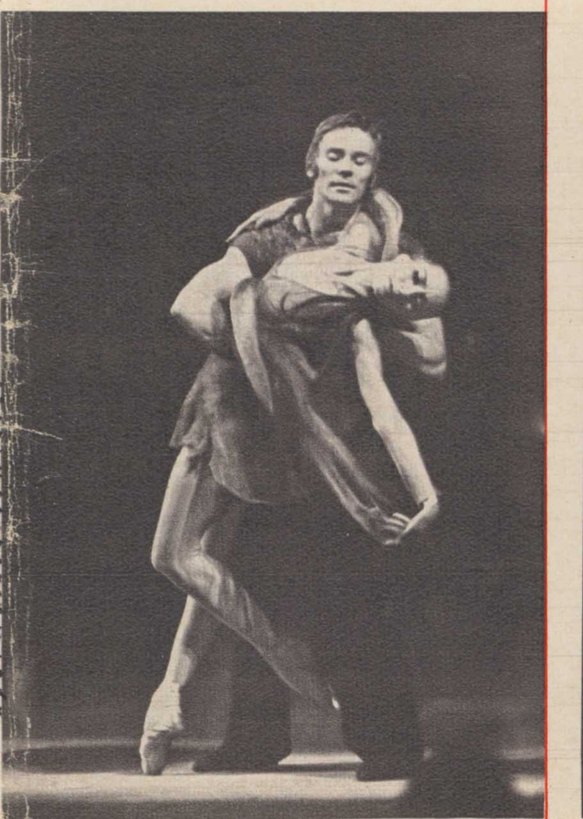


Главный режиссер ГАБТа Б. Покровский на репетиции.

Главный балетмейстер Большого театра Ю. Григорович.



«Ангара». Н. Бессмертнова — Валя, В. Васильев — Сергей.



Автор балета «Ангара» А. Я. Эшпай и дирижер А. Жюрайтис.



Одну из главных партий в новом спектакле исполняет М. Лавровский.



Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

